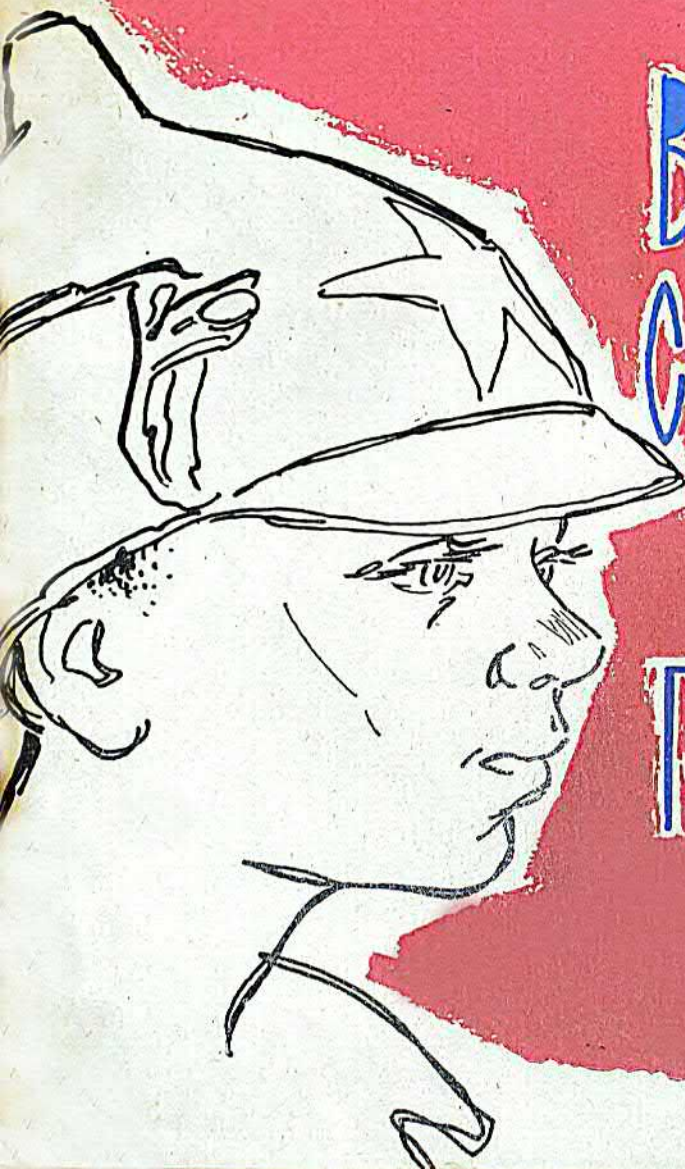

РИММА
КОВАЛЕНКО

ВАЛКА
САБЛИН
ИЗ
ПЯТОГО
„А“

**КРАСНОДАРСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1963**

РИММА КОВАЛЕНКО

ВАЛЬКА
САБЛИН
ИЗ
ПЯТОГО
"А"

(повесть)

КРАСНОДАРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1963

КАЖДЫЙ ВЫБИРАЕТСЯ ИЗ БЕДЫ ПО-СВОЕМУ

На стене тренькают ходики. Треньк-так, треньк-так... Такие часы редко теперь увидишь. Циферблат у них на голубой в цветочках жестянке, а маятник — золотого цвета кружок на стальной спице. Допотопные часы, а ходят точно. Когда Валька просыпается, еловая шишка-гиря висит над самой подушкой. Ее можно потрогать носом. Валька так и делает. Шишка раскачивается и бьет его по лбу не очень больно. Валька трет лоб, вскакивает и подтягивает шишку наверх. Стрелки показывают восемь. Пора вставать.

Солнце пробивается в комнату через тюлевую занавеску. Новый день, ясный и погожий, вошел в город. Но Валька об этом не думает. Он не умеет думать о новых днях и времени. Подтягиваясь на животе, он свешивается с подоконника и смотрит во двор. Там ничего интересного. Везут какую-то малявку в коляске, старуха несет в сетке пустые кефирные бутылки. И в комнате — ничего радостного. На стуле возле печки лежит портфель, а в нем дневник с домашними заданиями. Лучше уж учиться в первую смену. Проснулся, портфель в руку — и в школу. Отсидел пять уроков — и на все четыре стороны до самого вечера. А вторая смена — это одна мука. Утром думай, что надо делать уроки, днем сиди за партой, а вечером тоже не разгуляешься — мама дома. Валька отходит от окна и смотрит на портфель. Сегодня шесть уроков. Потом он замечает записку, которая лежит на столе. В ней всего одна строчка: «Сметану не трогай». Очень нужна ему сметана. Ему вообще мало надо. Люди сами усложняют себе жизнь. Разогревают, например, жареную картошку и накладывают ее в тарелку. Валька ест картошку прямо из сковородки, пританцовывая возле плиты на холодном, сыром полу. Перед уходом на работу мама помыла полы в комнате и в кухне. А потом спрятала от него сметану. Валька вспоминает про сметану и ему становится противно от такой несправедливости. Подумаешь, сметана! Он не посмотрел бы на нее, если бы она стояла на самом видном месте. Она даже в борще ему не нужна. И зачем только мать все от него прячет? Прошлым летом прятала от него желтые туфли с дырочками. Допрыталась, пока они ему не стали малы. Туфли и сейчас лежат в чемодане. Пусть лежат. Вальке ничего не надо: ни туфель, ни сметаны, ни пятерок в дневнике. Он одного хотел бы, чтобы к нему не приставали.

Неделю назад приходила делегация из его класса. Пять девочек. Был разговор. Мама плакала и говорила: «Нет, ты сам скажи, как собираешься жить дальше?» Он молчал. А что можно было сказать? Умирать он не собирается, значит, будет жить. А как? Разве это кто-нибудь знает? Это только гадалки делают вид, что знают.

Девчонки из делегации прилепили над этажеркой «Режим дня Валентина Саблина» и сказали, что будут проверять. «Режим» был написан красными печатными буквами, и жить по нему особых трудов не составляло. Надо было подниматься в половине восьмого, делать зарядку, умываться и убирать в комнате до восьми часов пятнадцати минут. Затем двадцать минут завтракать и два с половиной часа делать уроки. Затем час отводился для прогулки на свежем воздухе и так далее. Все по часам и минутам до десяти вечера, пока не захочешь спать. По «режиму» это называлось «отход ко сну».

Валька на следующее утро поднялся в половине восьмого, сделал зарядку и убрал в комнате. До восьми часов пятнадцати минут оставалась уйма времени. Он походил по комнате и сделал еще раз зарядку. Часы показывали ровно восемь. Тогда он решил позавтракать. Но есть не хотелось. Он выпил сырое яйцо, нарисовал на скорлупе пучеглазое, усатое лицо и надел его на бутылку с подсолнечным маслом. Получился сосед из квартиры напротив. В восемь тридцать Валька сел на стол и с ненавистью поглядел на «режим». Чего ради он должен учить уроки два с половиной часа, когда по географии ничего не задавали? И почему именно в восемь тридцать? А если наоборот? Сначала прогуляться на свежем воздухе? Валька так и сделал. Но в своей жизни он никогда не совершал прогулок, и это оказалось такой тоской, хуже, чем на контрольной по английскому. Прогуливайся и дыши свежим воздухом. Ходи и не забывай, что ты дышишь. Нет, это ему не подходило.

Завернув за угол, Валька встретил Саньку из пятого «В» и от радости залился счастливым смехом. Санька ждал, что сейчас ему сообщат какую-нибудь веселую новость, но не дождался. Валька перестал смеяться и сказал самое обыкновенное:

— Пошли, Санька, куда-нибудь.

И сегодня утром Валька должен был встретиться с Санькой возле Гастронома.

Санька сидел в пятом классе второй год и так же, как и Валька, тянул свой отряд назад. Правда, к Саньке не приходи-

да делегация и не вешала «режима». К нему прикрепили отличницу Свету Ложкину. Санька каждое утро ходил к ней и переписывал у нее решенные задачи и примеры, а заодно и упражнения по русскому.

Валька завидовал Саньке. У них в пятом «А» никто не дал бы списать. Такой уж был класс. Ябеда на ябеде. Чуть что — собрание. «Саблин, повернись лицом к товарищам и расскажи, как это все произошло». «Саблин, дай слово, что больше не будешь». Он давал слово, иначе не отвяжутся.

Иногда домашние задания в пятых «А» и «В» совпадали. Тогда Валька переписывал с Санькиных тетрадей. Но ничего хорошего из этого не получалось. К Санькиным опискам Валька прибавлял свои, и учительница не подозревала, что двойка была заработана общими усилиями.

Саньке жить было трудней, чем Вальке. У него был отец — суровый и малоразговорчивый человек. Когда-то он был артиллеристом, носил майорскую звезду на погонах, а потом демобилизовался и стал работать на заводе. Каждую субботу он расписывался в Санькином дневнике и говорил: «Лоботряс». Больше он ничего не говорил, но Санька постоянно жил в ожидании беды. Он был уверен, что когда-нибудь отец взорвется и выдерет его своим широким артиллерийским ремнем.

— Пусть бы уж отлупил, — говорил он Вальке, — а то все ждешь и боишься. А когда отлупит — тогда уже ничего не страшно.

Валька своего отца не помнил, он умер, когда Вальке было четыре с половиной года. Валька не помнит, какой он был, а вот как катал его на велосипеде, помнит. К раме мама привязывала подушку. Валька садился на подушку и слушал, как дышит сзади отец. Однажды они упали. Ехали и вдруг полетели в канаву. И еще помнит, как отец пришел с работы и принес ему кулек с вишнями. И еще как ходил с отцом в парикмахерскую. Дядька в белом халате сказал: «Опять этого крикуна привели?» и Валька очень обиделся. Сел в кресло и не кричал, только держал отца за руку, пока его стригли. В общем, ничего главного он об отце не запомнил. А ведь было

же такое, наверное. Какой-нибудь важный разговор или случай, а он запомнил самое неглавное.

Валька часто смотрел фотографии в альбоме. Отец в молодости был только на одной карточке. В белой рубашке и в пиджаке, на котором на цепочках висело два значка. До войны такие значки выдавали тем, кто изучал санитарное дело и противовоздушную оборону. Потом шли военные карточки. Любительские, неясные и поцарапанные. Отец под деревом стоит с автоматом, на других он вместе с фронтовыми товарищами. Потом карточки тоже военные, но на хорошей бумаге. Это отец снимался в немецких городах рядом с домами, крыши которых торчали, как пики.

Но больше всех любил Валька карточку, на которой он рядом с отцом. Отец, конечно, на него не смотрит, а глядит в фотоаппарат. Валька сидит рядом, вытаращив глаза. Наверное, фотограф сказал про «птичку». Все фотографии ничего не понимают в своем деле. Мог же он сказать: «Посмотрите на своего сына», и отец всегда бы глядел на Вальку на этой карточке.

С Санькой он об отце никогда не говорил. У них с Санькой были свои разговоры. Обо всем на свете разговоры: про солдат Фиделя Кастро, которые совершили революцию под носом у американцев, про Луну и спутники, про снежного человека и про почтовые марки. Они могли рассказывать друг другу фильм, который вместе смотрели, и спорить о том, кто больше съест мороженого. Это были друзья, которые понимали друг друга с одного взгляда.

...Санька стоял у Гастронома с портфелем под мышкой. Портфель был большой, с оторванной ручкой. Хочешь не хочешь, а ходи с ним в обнимку. Увидев Вальку, он помахал ему свободной рукой:

— Эй!

Валька тоже помахал ему:

— Привет, Санька!

Друзья свернули за угол и направились к дому Светы Ложкиной.

— Ты давай один, — сказал Валька, когда они вошли во двор. — я тебя здесь на скамейке подожду.

Ходить к Ложкиным он не любил. Светкины дед и мать очень уж гордились, что в их квартиру ходит прикрепленный двоечник. А когда приходил и Валька, они прямо умирали от гордости. «Светуся, к тебе твои мальчики пришли», — говорила мать. Дед звал их: «молодые люди». «Вот, молодые люди, что значит запустить занятия» и начинал распространяться о том, как их Светочка превыше всего на свете ставит уроки. Она у них в пять лет читала. В третьем классе получила первую четверку и пришла домой вся в слезах. Валька не мог этому сочувствовать. Реветь из-за четверки могла только такая дурища, как Светка.

Санька скрылся в подъезде, а Валька сел на скамейку. Мальчишка в полосатой рубашке гонял рядом футбольный мяч. Мальчишке было скучно, и он обрадовался случайному зрителю на скамейке: стал подбрасывать мяч вверх и пытался отбивать его головой. Это был мазил из мазил. Валька смотрел на него с презрением. Мяч подкатился к скамейке, и Валька носком ботинка послал его метров за десять в открытую дверь подъезда. По всем правилам футбола мальчишка должен был ахнуть от восхищения, но он почему-то разозлился.

— Шкет, — сказал он не очень громко. Увидев, что Валька не собирается подниматься, уже громко крикнул: — Кривоногий!

Валька не был кривоногим, мальчишка явно налезал на драку. Сносить оскорбления от таких типов не было в Валькиных правилах. Он поднял камушек и запустил им в мальчишку. И тут же раздался вопль сверху:

— Фулган!

Валька поднял голову и увидел в окне третьего этажа рыжую тетку. Она навалилась грудью на подоконник и закричала:

— Ты зачем к маленькому пристаешь, балбес? Ты чего на чужой двор приплелся? За бельем охотишься? Как бы чью простыню с веревки стянуть?..

На веревке в самом деле висело белье. Как ей не стыдно думать такое! А тут еще из окон стали выглядывать люди. И никому нет дела, что возводят на него напраслину. Тетка, не унимаясь, кричала.

Валька решил, что обождет Саньку в другом месте. Он поднялся и зашагал к воротам. И тут ком земли стукнул его по шее. Это мальчишка, тот несчастный мазил с мячом, праздновал свою победу. Не посмел бы, если бы не тетка в окне. Злость залила краской Валькины щеки:

— Рыжая! Рыжая! — он крикнул это весело, как будто все ему было трын-трава. Тетка была высоко, он мог ей отомстить за все: за балбеса, за простыни... Он нагнулся, и горсть песка полетела в чистое белье.

— Вот тебе, получай!

Чья-то рука крепко схватила его за плечо:

— Это еще что за штучки? Пойдем со мной.

Валька даже не посмотрел, кто схватил его за плечо. Все и так было ясно: человек был взрослый, сильный, и хорошего от этой встречи ничего быть не могло.

— Что же ты молчишь? — услышал Валька.

Каждый выбирается из беды по-своему. Одни прикидываются младенцами: «Дяденька, что вы, дяденька. Я больше не буду. Честное слово не буду». Другие надеются на свои силы: «Не имеете права хватать». Третьи, а таких большинство, и Валька принадлежал к их числу, молчат. Рука отпустила плечо, и тут Валька поднял голову.

— Герой... ничего не скажешь.

Человек сказал эти слова презрительно. Он даже руку вытер о штанину и потряс ею в воздухе.

— Ты что-нибудь в жизни стирал?

Валька не собирался отвечать и на этот вопрос, но из подъезда показалась рыжая тетка и направилась к своим простыням.

— Не отпускайте его! — крикнула она. — Держите! Я еще с ним поговорю.

Из двух зол надо было выбрать меньшее. Валька решил,

что лучше ему заговорить с незнакомым мужчиной.
— А зачем она обзывалась, — сказал он, — зачем она кричала, что я пришел воровать ее простыни? Разве это правда?

Мужчине было лет сорок, у него самого, возможно, были дети. А может быть, когда-то, очень давно он сам попадал в такие истории. Так или не так, но он выручил Вальку из беды. Он взял его за руку и вывел со двора. Тетка крикнула им вслед: «В милицию его, окаянного!». Но эти слова не испугали Вальку, он знал, что в милицию незнакомец его не поведет. Лучше всего было бы, если бы он отпустил Вальку. Сказал бы: «Ну, братец, шагай, да впредь води себя хорошо», а сам бы пошел по своим делам. Есть же у него дела.

Но мужчина, по всем признакам, не собирался расставаться с Валькой. Они проехали две остановки в троллейбусе, потом завернули в сквер и сели на скамейку, смахнув с нее желтые кленовые листья. Валька не любил разговаривать со взрослыми. Да вообще, кроме учителей, никто и не добивался с ним разговоров. Когда в прошлом году приезжал к ним его дядя из Минска, разговор получился коротким.

— Как живешь? — спросил дядя Костя.

— Хорошо, — ответил Валька.

— Ну и молодец, — сказал дядя Костя.

Но к вечеру дядя Костя изменил о нем свое мнение и стал читать нотации. «Как же так, племянничек? Матери трудно, а ты не помогаешь ей. Тебе уже скоро двенадцать лет...» Дядя Костя был хороший человек. Он работал инженером на огромном автомобильном заводе. Выпускал такие самосвалы, колеса у которых выше Валькиного роста. Но об этом он разговаривал с другими людьми. Какой ему был интерес рассказывать о своих делах человеку, который не моет на ночь ноги, не слушает мать, еле-еле, на троечках переполз в пятый класс.

Он пробыл у них два дня и ночью уехал. Валька с матерью поехали провожать его на вокзал. На прощанье дядя Костя дал ему десять рублей. «Это на кино и мороженое. Смотри, чуть что — я узнаю, мне мать напишет. А ты, Надя,

не стесняйся, сообщай о всех его художествах. Ну, бывайте здоровы».

Он уехал в мягком вагоне с розовыми занавесками. А Валька с матерью пошли домой. Был третий час ночи, трамваи уже не ходили, и они шли пешком. Шли и молчали. Валька думал о поезде, который увез дядю Костю. В мечтах представлялось, что этот поезд въедет прямо в ворота автомобильного завода. И дядя из мягкого вагона переседет в кабину огромного самосвала. Бывает же счастье людям! Потом он вспомнил, что в кармане у него десять рублей, и что мама видела, как он взял эти деньги, и что лучше самому их отдать. Дома он отдал деньги.

«А ТЫ, САБЛИН, БЫЛ НА ВОИНЕ?»

С таким человеком, какой сидел рядом с ним на скамейке, Вальке разговаривать не доводилось. Был он нарядный и важный. Серая шляпа с черной ленточкой прикрывала седые кудрявые волосы. А лицо было молодое и доброе. Особенно хорошо рассмотрел Валька туфли незнакомца, остроносые, со сверкающими зайчиками на носках. Рядом с ними Валькины ботинки были, как два облезлых щенка после драки. Валька убрал их под скамейку. И еще от незнакомца пахло. Не духами, а так, как пахнет в мебельном магазине. Вальке нравился такой запах. Наверное, этот человек работает на мебельной фабрике. Может быть, он даже директор. Только зачем ему нужен Валька? Шел бы лучше в кино, если нечего делать. Что за интерес ему сидеть с незнакомым мальчишкой, нахулиганившим в чужом дворе? Валька чувствовал себя, как птица, впервые попавшая в клетку. Ясно, что разговора не избежать. Тогда зачем он тянет?

— Мне в школу надо, — сказал Валька, не выдержав молчания, — уроки еще не учил.

Санька уже переписал у Ложкиной задачки. Теперь, на-

верное, ищет своего друга. А он сидит в сквере на скамейке и не может уйти.

— Ты учишься в школе? — спросил незнакомец. — Это интересно. И чему же тебя там учат?

Валька решил ничему не удивляться. Он ответит на все вопросы и уйдет.

— Учат разным предметам, — ответил он, — например, географии, алгебре.

— Учат предметам, — незнакомец почему-то улыбнулся, — а такого предмета у вас нет — благородство?

— Такого нет.

— А смелость, мужество, красота — такие предметы есть?

— Таких тоже нет.

— Прекрасно! Ты тоже так считаешь?

Валька ничего не считал, но сказал, что считает. Незнакомцу можно было бы уже закружиться. «Ах, как жаль, что у вас нет предмета благородства. Тогда бы ты не швырял песок в чужое белье. Тогда бы ты знал, что это неблагородно». Но он этого не сказал. Обхватив ладонями затылок, он откинулся на спинку скамейки и закрыл глаза. Может, он собрался спать?

— Я пойду, — сказал Валька.

— То есть, как это «пойду»? Ведь мы даже не познакомились.

Мужчина оторвал руку от затылка и протянул ее Вальке.

— Сергей Васильевич. Фамилия — Померанцев.

— Валька Саблин.

— Ну вот, Саблин, теперь мы с тобой знакомы. Валька... по-моему, у тебя хорошее имя.

Валька так не думал. С именем ему не очень повезло. Девчоночье имя. Одна утех, что есть писатель Валентин Катаев, есть футболист Валентин Иванов. Вот фамилия у него была действительно мужская и боевая — Саблин. Но про фамилию Сергей Васильевич ничего не сказал.

— Когда-то у меня был друг Валька, — мужчина опять откинулся на спинку скамейки и закрыл глаза. — Смешной такой друг. Все мечтал купить себе фотоаппарат. А потом бы-

ла война. И на этой войне Валька погиб. Я сказал тебе, что он был моим другом. Это неправда. Мы просто учились с ним в одном классе. И все, что я о нем помню, это то, что он хотел себе купить фотоаппарат. А ты, Саблин, был на войне?

— Нет, я же родился в другое время.

Сергей Васильевич поднялся со скамейки, присел на корточки и снизу вверх посмотрел на Вальку.

— Слушай, я, кажется, в тебе не ошибся.

Другой бы на месте Вальки удивился. Очень уж непонятно вел себя взрослый мужчина: поднес к глазу кулак, сложенный трубкой, и стал глядеть на Вальку. При этом он говорил странные слова:

— Быть тебе, Саблин, покорителем горных вершин. Быть тебе, Валька, красным партизаном.

Потом он сел на скамейку и расхохотался. Ему было весело. Наверное, смешней Вальки он не встречал человека в жизни. Потом он задумался и виновато посмотрел из-под шляпы.

— Не сердись. Можешь спрашивать меня о чем угодно.

Валька спросил:

— А вы были на войне?

— Был.

Валька вежливо кивнул головой, больше у него вопросов не было. Но у Сергея Васильевича были.

— Расскажи мне о себе, пожалуйста. Мне это будет интересно.

Валька не знал, что ему рассказывать. Он бы и хотел рассказать, да нечего было.

— Мне одиннадцать лет, я учусь в четвертом классе, — подсказал ему Сергей Васильевич.

— Нет, мне двенадцать лет, пять дней назад исполнилось. И учусь я в пятом классе, — поправил его Валька.

— Ну, и как?

— Ничего особенного. Учусь. — Тут Валька вспомнил про уроки и добавил: — Есть у меня друг Санька.

— Для первого знакомства достаточно, — Сергей Ва-

сильевич поднялся, — я бы мог тебе дать свой адрес. Но такие мальчишки, как ты, адреса теряют. Лучше ты мне скажи номер своей школы.

— Тридцать вторая школа. Можно идти?

— Иди, иди, — сам Сергей Васильевич уходить не собирался.

Валька вышел из сквера и сквозь железные прутья ограды увидел, что человек в серой шляпе по-прежнему сидит на скамейке и что-то записывает в блокнот. Многие были непонятным и таинственным во всей этой встрече. Теперь, когда Валька стал сам себе хозяином, человек, спасший его от беды, показался ему подозрительным. Наверняка, он не был директором мебельного магазина. Кто же он? Обо всем этом надо было скорей рассказать Саньке.

«ТЫ ШЛЯПА, ВАЛЬКА, ВОТ ТЫ КТО»

Валька появился в школе без портфеля. Прямо из сквера он побежал к школе и стал ждать друга у ворот. Он ждал его долго. Опоздавшие, не глядя на него, метеором пронеслись мимо, а Саньки все не было. Валька решил, что прозевал его, и пошел в школу. Двери пятого «В» были плотно закрыты, и стоять возле них было рискованно. Валька побрел назад к выходу и на крыльце столкнулся с Санькой.

— Куда ты пропал? — закричал Санька. — Я из-за тебя опоздал. Где ты был?

Валька таинственным голосом изрек:

— Пойдем отсюда. Есть дело.

Они бегом пересекли школьный двор, вышли на улицу и свернули в переулок. Прежде чем начать рассказ о незнакомце, Валька решил проверить друга.

— Санька, — спросил он, — ты смелый человек или трус?

Такой вопрос обидел Саньку:

— Выкладывай, — буркнул он, — а там посмотрим, кто смелый, кто трус.

Хорошо, что Санька в эту секунду поднял глаза и увидел Валькино лицо.

— Я смелый, Валька, — сказал он, — я за тебя один на один хоть на кого пойду.

И Валька рассказал о встрече с незнакомцем. «Главное, понимаешь, даже не знает, какие предметы в школе проходят. На фронте он был. Неизвестно еще, за кого воевал. Путает, путает все: то был у него друг по имени Валька, то сам признается, что это неправда». Валька подробно рассказал, как был одет незнакомец и как он себя назвал — Сергей Васильевич... фамилию Валька вспомнить не мог. Да это и не имело никакого значения. Так он и сказал первому встречному свою настоящую фамилию. Санька слушал, затаив дыхание, а под конец заключил:

— Ты шляпа, Валька, вот ты кто.

По мнению Саньки, с этого человека нельзя было спускать глаз. Он бы на месте Вальки выследил, куда, в какой дом зашел этот человек. А сейчас — ни ветра в поле. Дурак он, что ли? Долго ему внешность изменить. Приклеит бороду, усы, попробуй, узнай.

Мальчики дошли до сквера и осторожно, раздвигая кусты, стали пробираться к скамейке. Но незнакомца на ней не было. Сидела девушка в белой пушистой шапочке и, пригнувшись к коленям, читала книгу. Санька свистнул, но девушка не подняла головы.

— Про шпионов читает, факт, — сказал Санька. — Знала бы, кто до нее сидел на этой скамейке.

Друзья решили выбраться на главную улицу и прочесать ее с обеих сторон. Идти по разным сторонам было скучно, поэтому договорились, что Санька будет наблюдать за встречаемыми людьми, а Валька — на противоположной стороне. Один раз им показалось, что они опознали незнакомца. Впереди важной походкой шагал мужчина в серой шляпе. «Он», — шепнул Валька. Втянув плечи, ни слова не говоря, они догнали незнакомца и заглянули под серую шляпу. Осечка! У мужчины был грузинский нос и натуральные усы щеточкой.

— Он поверил той рыжей тетке, — размышлял Санька. — Они всегда ищут себе помощников среди шпаны. Значит, есть шансы, что он появится в школе. Не зря же он спросил номер.

Вальке неприятно было слушать такое. Но что он мог сказать в свое оправдание? Незнакомец выручил его из беды не случайно. Это ясно. А он, Валька, вел себя как последний дурак. Не смог вовремя понять, что к чему.

У кинотеатра «Темп» мальчики остановились. Сеанс только что закончился, и толпа людей разноцветной рекой поплыла из арки.

— Надо занять наблюдательный пост! — командовал Санька и полез на пустой голубой лоток с надписью «Пирожки».

Валька тоже решил пристроиться рядом с ним, но Санька приказал ему стоять внизу. Валька подчинился. Раз сам не сумел вовремя сообразить, теперь приходилось подчиняться Саньке. А Санька в этих вопросах разбирался до тонкостей. Про шпионов он прочитал уйму книг и все их повадки знал назубок.

— Этот? — спросил он шепотом, показывая глазами на мужчину в серой шляпе, возвышавшегося над толпой.

— Нет, не этот.

Толпа поредела и уплыла к троллейбусной остановке. На афише величистой с дом была нарисована старуха за решеткой. Шел заграничный фильм «Неизвестная женщина». Валька и Санька повернули обратно. Можно было не горевать, что нет денег на билеты. Табличка внизу афиши предупреждала, что раньше чем через четыре года им этот фильм не смотреть.

Валька шел, опустив голову. Столько бедствий в один день! Там, во дворе, — с бельем, потом этот подозрительный человек, в школу не пошел и с Санькой поменялся ролями. Раньше Санька во всем следовал за ним и смотрел ему в рот, а теперь приходилось слушать Саньку.

— Я забыл, как называется книжка, — рассказывал Санька, — но там тип был пострашней этого господина. Ходит

по улицам, в одном глазу у него фотоаппарат, а в другом радиопередатчик...

— Что ты мелешь, Санька? — перебил его Валька. — Как же он видел?

Саньку это не смутило:

— А вот так и видел. Глянет, моргнет — и уже сфотографировал.

Валька рассмеялся. Он вспомнил, как летом Санька давал ему урок астрономии. Они стояли поздно вечером во дворе и смотрели на небо.

— Вон Малая Медведица, — объяснял Санька, — как ковшик с ручкой. А вон созвездие Девы.

Такого созвездия Валька не знал и никак не мог найти его на небе.

— Да смотри же, смотри, — кипятился Санька, — вот руки, вон ноги...

— А где голова?

Санька вздохнул.

— Голова еще не взошла.

Саньку никогда нельзя было застать врасплох. Он все знал. Может быть, поэтому и сидел второй год в пятом классе.

ВОСЕМЬ НАТАШ И ОДНА ВАРЕНЬКА

В том, что в пятом «А» было восемь Наташ, виноваты были родители. В том году, когда родились нынешние пятиклассники, люди как будто забыли все женские имена, кроме Наташи, Ирины, Галлины и Людмилы. По этой причине в пятом «А» было восемь Наташ, четыре Иры, четыре Гали и три Люды. По этой же причине девочки считали, что самое красивое имя у Коноплянкой — Варенька. Были в классе еще Катя, Лида, Таня, Вера. Но Варенька была одна на всю школу. Варвара Коноплянская. Варенька со второго класса дружила с Тусей Сорокиной. Туся была в метриках и в классном журна-

ле Наташей. И оставалась бы Наташей, если бы не семь других с таким же именем.

До пятого класса Варя и Туся считались подругами. Обе были отличницами, обе читали одни и те же книжки, смотрели одни фильмы. Никто не помнит, чтобы они когда-нибудь ссорились. Варя была бессменной старостой, а Туся то звеньевой, то председателем совета отряда. И если еще куда-нибудь надо было выбирать, то все без всякой зависти называли фамилии Вари и Туси. В классе были еще отличники, но Варя и Туся были первыми ученицами. На родительских собраниях классный руководитель Надежда Федоровна говорила: «О Вареньке и Сорокиной я ничего говорить не буду. Если бы все были такими, мы бы не проводили собраний». И все равно Тусины и Варины родители приходили на собрания, хотя ничего им там нового не сообщали.

И вдруг в четвертом классе, в конце учебного года спокойная, проверенная годами дружба померкла. В школу пришла Варина мама и попросила Надежду Федоровну рассадить подружек на разные парты. «Туся плохо влияет на Вареньку, — сказала она. — Туся начинает не по годам развиваться». Надежда Федоровна ничего такого не знала и очень удивилась. Тогда Варина мама с ужасом в голосе сообщила: «Туся влюбилась в артиста Тихонова». Надежду Федоровну это сообщение почему-то не привело в ужас. Она даже сказала, что Тихонов хороший артист, и он ей самой нравится.

После этого разговора пришла в школу Тусина мама. Она тоже попросила: пусть Тусю и Варю рассадят на разные парты. «Эта дружба, — сказала она, — давно мне не нравится. Варины родители — люди с мешанскими предрассудками, а сама Варя девочка без всякого полета и фантазии». Надежда Федоровна и на этот раз удивилась, но Тусю и Варю рассадил. Наверное, это была не настоящая дружба, потому что ходить друг к другу в гости, читать одни и те же книжки — это еще не дружить. Варю Надежда Федоровна посадила с Саблиным, а Тусю — с Ирой Копыловой.

Ребята не знали, почему рассадил Варю с Тусей, и толь-

ко в пятом классе обнаружили, что девочки больше не дружат. Но это не помешало им снова выбрать Варю старостой, а Тусю — председателем совета отряда.

В пятом классе Варя по-прежнему сидела за одной партой с Саблиным. Она старательно закрывала от него промокашкой тетрадку на контрольной, морщилась, когда натянулась под партой на грязный футбольный мяч или какую-нибудь палку, но учителям не жаловалась. Когда Валька получал двойку, Варя громко вздыхала. Не потому, что горевала, а так, по долгу службы. Она была старостой, а двойка наносила вред всему отряду.

В пятом «А» мальчики и девочки не дружили. Нельзя сказать, что класс был разбит на два лагеря, но и дружбы не было. В четвертом классе в отряде стали по-новому создавать звенья. Назывались они «по интересам». Мальчишки записались в звенья «юных следопытов» и «умелые руки», девочки тоже создали два звена: «друзей природы» и «любителей музыки». Из этих звеньев «по интересам» ничего интересного не получилось. «Умелые руки» намастерили полочек, шкатулок, рамок и даже открыли выставку. Но пришел кто-то из старшеклассников и сказал, что это выставка уцененных товаров. «Любители музыки» собрались как-то в зале у рояля и открыли сбор. Шесть девочек сыграли по разу «Старинную французскую песенку» Чайковского и заскучали. Все они учились во втором классе музыкальной школы, которая год назад открылась в районе. «Юные следопыты», не зная, чьи следы им надо отыскивать, на каждом сборе разбирали двоечников, а «друзья природы» ждали весны, чтобы посадить деревья и кусты на какой-нибудь улице.

В пятом классе про «интересы» забыли, но по прежней памяти девочки и мальчики записались в разные звенья.

Девятиклассница Зоя пришла в отряд в конце сентября. Она сказала, что будет вожатой, полистала дневники отстающих, спросила, кто староста, кто звеньевые, поручила Тусе составить план работы и ушла. Через неделю она пришла на урок истории, села на заднюю парту и исчертила тетрадный

листок геометрическими фигурами и головками красавиц. Листок подобрал на перемене Саблин и сделал из него голубя.

После уроков Валька не остался. Зря. Потому что говорили о нем. Зоя сказала: «К таким, как Саблин, нужен индивидуальный подход. У него, наверное, и режима дня нет». Решили написать Вальке «режим» и взять под контроль его выполнение.

Зоя была еще раза два в отряде. Решила повести ребят в музей. Но день выдался неудачный — понедельник. Музей был закрыт, и пришлось поворачивать обратно. Больше у пятиклассников она не появлялась. Никто не вспоминал ее ни плохим, ни добрым словом. Училась Зоя в первую смену, так что даже от случайных встреч со своими пионерами была застрахована.

Никто из ребят не знал, кто будет у них новой вожатой. Ну, будет и будет. А нет — так нет. Без вожатой тоже жить можно. Галя Светлова тоже не думала о том, что в ближайшем будущем ей придется познакомиться с пятиклассниками и стать у них вожатой. Она училась в педагогическом институте, долго занималась в читальном зале библиотеки, а вечером любила ходить в театр или на танцы, или просто бродить с подругами по городу. Жила она в общежитии. У нее не было родных: ни отца, ни матери, ни братьев, ни сестер. Когда подруги приглашали ее к себе домой, она отказывалась. Она могла смело войти в кабинет любого директора, легко открыть дверь любого учреждения, но в чужих квартирах стеснялась и не знала, о чем говорить. Всю жизнь она спала в комнатах, где было много кроватей, ела в больших столовых и вместе с другими ребятами звала «мамой» седую женщину — директора детского дома. Потом директора перевели в другой детский дом, и Галя больше уже никого не называла «мамой».

Когда она жила в детском доме и училась в седьмом классе, ее назначили вожатой в группу малышей. Это были первоклассники, шумный и неряшливый народ. Галя читала им перед сном книжки, заплетала девочкам по утрам косы, но больше всего ей нравилось то, что малыши ее слушались. «Быст-

ренько всем построиться», — подражая голосу воспитательницы, говорила Галя. Первоклассники строились, брались за руки, и Галя провожала их в школу. Если кто-нибудь разговаривал, Галя говорила: «Сейчас же прекратить разговоры». Так же и ей говорили, когда она училась в первом классе. Она слепо верила в то, что дисциплина — это когда все молчат.

Вечером в детском доме оставался один дежурный-воспитатель, и Галина власть над первоклассниками возрастала. В комнате, в которой спали девочки, быстро наступала тишина. С мальчишками было трудней. Галя пробовала рассказывать сказки, выводила то одного, то другого в коридор и ставила в угол. Но это не помогало. Перед сном в мальчишек вселялся какой-то бес. Они бросались подушками, смеялись по любому поводу и не очень прислушивались к тому, что говорила им Галя. Заводилой был самый рослый в группе Виталька Сомов. Уши у него торчали, как два розовых блюдца, глаза постоянно выглядывали: чтобы еще натворить. Он улыбался, когда его отчитывали, и никто не помнил, чтобы он когда-нибудь плакал.

В тот запомнившийся Гале вечер Виталька до того разошелся, что в спальню пришла дежурная воспитательница. «Сейчас же всем закрыть глаза», — сказала она. Все закрыли глаза. И снова открыли, когда в спальне осталась одна Галя. Виталька накрылся с головой одеялом, и оттуда послышалось мяуканье. И сразу же замяукала вся спальня. Это было слишком. Галя сдернула с Витальки одеяло и вытащила его в коридор. Они стояли друг перед другом, как два врага. Лопухий Виталька глядел ей нахально в глаза, Галя не выдержала. «Ты еще долго будешь меня мучить?» — со слезами в глазах спросила она. Виталька в ответ мяукнул. Что было делать? Опять звать дежурную воспитательницу? Дать Витальке по шее, может, хоть это на него подействует? Не решив ничего, Галя неожиданно для себя вдруг обняла Витальку, притянула к себе и поцеловала в колючую макушку. Виталька заплакал. Длинный восьмилетний Виталька плакал, как девчонка, а Галя гладила его по стриженной голове и говорила: «Ты очень добрый, очень хороший, Виталька»...

После этого вечера что-то перевернулось в Галиной душе. Она приходила в спальню к мальчишкам и рассказывала о том, какими они будут людьми, когда вырастут. Каждый вечер она рассказывала про чью-нибудь будущую жизнь. Виталька был в этой жизни бесстрашным человеком. Когда Галя рассказывала, он лежал с закрытыми глазами и уши его пылали от счастья.

«А ВДРУГ ОН ЖИВ?»

Когда в июле сорок первого года война подошла к маленькому белорусскому городу на берегу Днепра, Гале Светловой было всего десять месяцев. Она не помнит взрывов бомб и вспышек за окнами сигнальных ракет. Не помнит дороги, по которой несла ее мать, спасаясь от фашистов. В деревушке под Смоленском их приютила добрая женщина, жена председателя колхоза. Она вынесла из сарая старую деревянную колыбельку, вымыла, выскоблила ее во дворе и внесла в дом. Дети этой женщины давно выросли. Колыбельку подвесили на длинных веревках к крюку в потолке, положили на дно подушку, и Галя сладко уснула на новом месте.

А мать ее долго не спала. Она была учительницей и женой командира. Она была очень больна и знала, что жить ей осталось недолго. В ту ночь мать подробно рассказала о себе хозяйке дома и передала ей документы. Особенно просила она сохранить конверт с адресом родителей мужа, которые жили на Урале. Когда врагов разгромят, а Галина мама верила, что это будет скоро, следовало по этому адресу дать телеграмму. Дедушка и бабушка придут за своей внучкой, и отец тоже разыщет ее по этому адресу.

Отец Гали был комиссаром кавалерийского полка. Он был молодой, веселый и очень любил свою маленькую дочку. Когда началась война, весь полк по тревоге поднялся с места и никто из командиров не сказал своим женам и детям, когда

они вернутся. И вернутся ли... Война началась страшная и жестокая. Она не щадила ни сильных, ни тех, кто еще спал в колыбельках.

Война подкатилась и к маленькой деревушке на Смоленщине, где жила маленькая Галя. Немцы бомбили Смоленск, и разрывы бомб и снарядов угрожающим эхом доносились сюда. Жена председателя колхоза волновалась за судьбу девочек. Что будет, если враги войдут в село? А ведь у малышки есть родные, она дочь красного комиссара! Муж этой женщины вместе с коммунистами колхоза готовился уйти в леса, партизаниить. Вместе с ними должна была уйти и его жена. Девочку они взять с собой не могли, и оставлять ее в селе в такое время было опасно. Помог случай.

Через село проезжал грузовик, переполненный ребятами. Это эвакуировали в тыл ребят из пионерского лагеря, за которыми не приехали родители. Колхозники уговорили воспитательницу взять Галю и определить ее в тыловом городе в Дом младенца. Колыбельку взяли к себе на колени старшие ребята, и пока они ехали, над Галей развевались красные галстуки. В Тамбовской области, в селе Богоявленском, где должны были жить ребята, Дома младенца не было. Воспитательница решила везти ее в город Мичуринск, но тут пришли старики Почиваловы и попросили отдать им самую младшенькую на воспитание. Пантелей Иванович Почивалов был уважаемым в деревне человеком. Три сына его воевали на фронте. Отец на собственные сбережения купил им танк, а вскоре передал свою большую пасеку детскому дому. Об этом писали в газетах, и Пантелею Ивановичу прислали благодарность из Москвы.

На вид старик Почивалов был угрюмым и суровым человеком: никто не поверил бы, что он может смеяться, смахивая загрубелой рукой слезы со щек, глядя, как маленькая Галя делает первые шаги по расстеленному на полу одеялу. Жена Пантелея Ивановича Анна Свиридовна тоже крепко полюбила Галю. Галины документы Анна Свиридовна обшила белой материей и положила за икону, которая висела в углу большой комнаты. Так будет надежнее, решила она. А подрастет девоч-

ка, понадобятся документы — они в полной сохранности, ни одна пылинка их не коснулась. Письмо на Урал, в город Нижний Тагил, где жили родители Галиного отца, не было отправлено. Старики Почиваловы не обратили внимания на конверт.

Галя прожила в новой семье три года. Она была слишком мала и не понимала, какое страшное горе постигло в самом конце войны стариков Почиваловых. Три похоронных пришли в один день в одном конверте. Запомнилось ей только, как плакал дедушка Пантелей над патефоном, на котором крутилась черная пластинка с веселой песней. Много лет спустя, когда она уже жила в большом городе и училась в четвертом классе, она неожиданно вспомнила эту песню. Песню про трех веселых танкистов. «Три танкиста, три веселых друга — экипаж машины боевой...»

Почему человек не помнит всю свою жизнь, день за днем? Гале Светловой сейчас, как никогда, это было нужно. Особенно воспоминания раннего детства. Галину биографию много раз писали разные люди, отсылая документы в учреждения, которые занимались розыском потерявшихся в годы войны людей. Но фамилия у Гали не редкостная, имя и отчество майора Светлова не были известны, и ответы приходили мало утешительные.

Вступая в восьмом классе в комсомол, Галя в первый раз сама написала свою биографию. Начиналась она так:

«Я родилась в 1940 году. Родителей своих не помню. Говорят, что мама была учительницей и умерла в первый год войны в селе под Смоленском, а отец воевал на фронте. Жив ли он — не знаю...»

Потом Гале не один раз приходилось писать автобиографию. Когда после десятого класса поступала работать на стройку и два года спустя, при поступлении в педагогический институт.

На первом курсе она прочитала в газете статью о том, как нашла своих родителей девушка из города Новосибирска. Потом такие статьи стали появляться в газетах все чаще и чаще. И Галя решила написать письмо в газету.

«В ваш город,—писала она,—меня привезли в 1944 году. Мне было тогда четыре года. Я помню, что жила в детском доме, нашу воспитательницу звали тетя Вера. Номер детского дома—шестнадцать. Я отправила три года назад туда письмо, и мне сообщили, что в архиве военных лет моего личного дела нет. Оно, наверное, затерялось.

Дорогая редакция, мне очень надо узнать, где я жила до тысяча девятьсот сорок четвертого года, откуда меня привезли в ваш город. Мама моя умерла в первый год войны, а папа (я даже имени его не знаю) воевал на фронте. А вдруг он жив?! И не знает, что я тоже живу на этой земле, учусь в институте. Я очень прошу, помогите мне. Может быть, воспитатели, которые работали в детском доме в тысяча девятьсот сорок четвертом году, помнят меня. Мне ведь было четыре года, я уже могла многое рассказать. Сама я кое-что помню о своем раннем детстве. Помню, что жила в доме, где был дедушка. Однажды мы с ним куда-то пошли и меня покусали пчелы. Помню, как хоронили какую-то старушку, и все вокруг плакали. И еще помню патефон и пластинку с песней о трех танкистах. Мне кажется, что я жила в деревне. Если встретитесь с воспитательницей тетей Верой, скажите ей, что разыскивает ее Галя Светлова. Может быть, она помнит меня—у меня черная родинка над левой бровью...

Когда такое письмо приходит в газету, то сразу же кто-нибудь из сотрудников редакции, отложив все дела, отправляется на поиски. Так было и на этот раз. Очень скоро Галя Светлова получила ответ:

Дорогая Галя! Пока ничего конкретного сообщить не можем. Вера Герасимовна Коляева—ваша бывшая воспитательница, сейчас на пенсии. Мы разговаривали с ней. Она чуть-чуть помнит вас. Говорит, что в 1944 году группа малышей, в которой, возможно, были и вы, прибыла в детский дом из Тамбовской области. Мы отправили письмо в Тамбовский обком комсомола с просьбой установить, из

каких детских домов отправлялись ребята в 1944 году в наш город*.

Это письмо пришло как раз в тот день, когда Галю Светлову утвердили на комитете комсомола вожатой отряда. Вместе с ней получили комсомольские путевки в тридцать вторую школу еще шесть студентов.

По таким путевкам люди ехали на целину, на новостройки Сибири. Значит, это было серьезное дело, раз комсомол выдавал путевку для работы с пионерами.

Ни Туся, ни Варя, ни Валька Саблин не знали, что в их отряд направлена вожатая. А если бы даже и знали, то отнеслись бы к этому событию без особой радости. Вожатые у них уже были. Одной больше, одной меньше — какая в конце концов разница? Уроки от этого короче не будут и двоек на контрольных не убавится.

«ВАРЬКА, НЕ БУДЬ ДУРОЙ...»

— Саблин, не мешай Коноплянской работать, — голос учительницы строго прозвучал в тишине.

В классе писали сочинение. На доске — с прописным нажимом и наклоном были выписаны слова: «Каким я хочу видеть своего друга».

Валька, как увидел этот заголовок, так и сник. Вспомнился незнакомец в серой шляпе. «Расскажи мне о себе, пожалуйста. Мне это будет интересно». Не умеет он рассказывать о себе, не умеет писать таких сочинений. «Я хочу видеть Саньку вежливым, аккуратным, примерным учеником». Чушь болотная. Совсем он не хочет его таким видеть. И Санька никогда не простит ему такого сочинения. О ком же тогда написать? Варя Коноплянская уже пристроила в левой руке промокашку, прикрыла ею тетрадь и строчит. Валька на этот раз обиделся за промокашку. Не контрольная ведь — сочинение. Должна сообщать, что списать он у нее ничего не может. Тихонько он дер-

нул Варю за левый локоть. Промокашка вместе с Вариной рукой прыгнула вверх, а Варины глаза сразу нашли учительницу.

Два серых умоляющих глаза: что же это он вытворяет? Я же никогда его не трогаю ни первая, ни вторая, говорят эти глаза.

— Саблин, не мешай Коноплянской работать, — строго говорит учительница.

Валька смотрит по сторонам. Все пишут. У всех есть друзья, и всех их как-то по-особенному хотят видеть. Рядом работает Варя. «Вырабатывает» Тусю Сорокину. Валька улыбнулся. Что он теряет? За ненаписанное сочинение и двойки не поставят, верный кол. Подумав, он с размаху вонзил перо в чернильницу и стал писать.

Мой лучший друг на свете — Варя Коноплянская. Мы с ней сидим на одной парте и дружим как кошка с собакой. Я ее хочу видеть в соломенной шляпе верхом на ишаке. Я ее люблю и уважаю, беру за хвост и провожаю. Хотя она и отличница, но я желаю ей остаться на второй год. А по физкультуре ей „пять“ несправедливо ставят. Хочется ей пожелать: Варя, не будь душой, занимайся физкультурой.

Валька здорово развеселился. Особенно ему понравилась последняя строчка. Прямо стихи: не будь душой, занимайся физкультурой.

— Саблин, не отвлекайся: до конца урока осталось десять минут.

Учительница не знала, что Вальке уже можно отвлекаться. «Сочинение» у него готово, но нести его на стол он не спешит, надо обождать и сунуть его между другими тетрадками. Конечно, Надежда Федоровна будет его ругать на следующем уроке, но дома она обхохочется. Как дочитает до фразы «Я ее люблю и уважаю, беру за хвост и провожаю», так и схватится за живот от смеха. Правда, эту фразу Валька не выдумал, а где-то слышал, но какая разница? И когда Надежда Федоровна на следующем уроке сердитым голосом прочтет Валькино со-

чинение, смеху в классе тоже будет предостаточно.

Варя Коноплянская убрала промокашку, вложила ее в тетрадку и направилась к учительскому столу. Валька решил двинуться за ней. Он уже поднялся и взял в руки тетрадь с сочинением и тут случайно поглядел в окно. Поглядел и чуть не закричал от ужаса. Посреди двора в плаще нараспашку стоял незнакомец в серой шляпе с черной ленточкой.

— Саблин, ты что вскочил? — спросила учительница. — Если закончил, сдавай сочинение.

Валька направился к столу, положил тетрадку, и ноги сами понесли его из класса. Когда он открывал дверь во двор, за спиной его раздался звонок.

Что же делать? Подойти, поздороваться? Ведь незнакомец, конечно, пришел за ним. Или действовать Санькиными методами? Выследить, где он живет, и установить наблюдение? Но размышлять уже было ни к чему: незнакомец увидел его.

— А, Саблин! — обрадованным голосом сказал он. — Здравствуй, покоритель горных вершин! Я за тобой. Преподавание разных предметов уже закончилось в твоём классе?

— Да, почти, — ответил Валька, — осталось пение.

— Ну что ж, споешь как-нибудь в другой раз. Я сейчас пройду к директору школы и оформлю твое отсутствие. А ты жди меня.

На душе у Вальки стало спокойнее. Человек будет говорить о нем с директором. И глаза у него симпатичные: серые и добрые. В таких глазах не спрячешь ни фотоаппарата, ни радиопередатчика.

— Я мигом, — сказал Валька, — только за портфелем, сбегаю.

Когда они с Сергеем Васильевичем покидали двор, у ворот откуда-то вынырнул Санька.

— Уходишь? — вздохнул он, — откалываешься?

Валька пожал плечами: что поделаешь, так уж получилось. Ему стало жалко Саньку, но взять его с собой он не мог.

МАЛЕНЬКАЯ БОЛЬШУХА

— А в школе тебя не очень жалуют, — говорил по дороге Сергей Васильевич. — Директриса посоветовала остановиться мне на другой кандидатуре, с пятерками в табеле и с активным общественным лицом. Но я не подвел тебя, Валька. Мне нужен ты и больше никто. Мне твое лицо нравится и больше никакое.

Очень непонятно говорил Сергей Васильевич. Непонятно и интересно. Вальке не хотелось перебивать его. Эх, если бы знать, куда он ведет его, тогда пусть говорит, что хочет.

— А куда мы идем?

Сергей Васильевич положил свою ладонь на худенькое Валькино плечо:

— Эх ты, воробей-воробышек. Сейчас мы идем ко мне домой. А потом мы вместе с тобой будем работать. Ты не возражаешь?

— А что будем делать?

— Не спеши, это отдельный и большой разговор.

Квартира у Сергея Васильевича оказалась такой, какие Валька видел в зарубежных фильмах. Мебель блестела и переливалась, на полу самой большой комнаты лежал ковер в разноцветных геометрических фигурах. По такому ковру страшно было идти.

Сергей Васильевич посадил Вальку в кресло, возле которого стояла лампа-великан на высокой ножке с огромным абажуром, сунул ему в руки книжку, а сам побежал в другую комнату, откуда доносился телефонный звонок. Валька прочитал название: «Сокровища Лувра», пролистал несколько страниц и закрыл книгу. Не мог он разглядывать такую книгу. Конечно, Сергей Васильевич сунул ее второпях. Книга, видимо, из тех, которые можно смотреть после шестнадцати лет: что ни страница, то голые люди.

— Ты что здесь делаешь? — вдруг услышал Валька. Оглянулся и увидел в дверях маленькую девочку. На ней был полосатый фартук, из-под которого выглядывали голубые брюки,

Руки девочка держала в карманах фартука. — Ты к кому пришел?

Валька ничего не ответил. Он ни к кому не пришел, его привели сюда.

— Ты уже школьник? Ты учишься в школе? — девочка подошла поближе и разглядывала его со всех сторон.

— Учусь. А ты кто такая?

— Я? Тогда давай лучше познакомимся. Встань и протяни мне руку.

Валька послушался, очень уж забавная была эта малявка в полосатом переднике и с огромным бантом на макушке.

— Меня зовут Валька.

— А я Машенька.

Она походила на Машеньку, как Валька на Альберта, лучше бы уж ее назвали какой-нибудь Марianneй.

Из комнаты вышел Сергей Васильевич.

— Ну и прекрасно, — сказал он, — мне как раз на полчасика надо отлучиться. Маруся, ты не задуривай ему голову, а ты, Саблин, держись молодцом, не поддавайся ей.

Он ушел, а Машенька-Маруся взялась за Вальку.

— Валька, Валька, — раскачивала она своим огромным бантом, — ты удивился, когда увидел меня? Ты подумал, откуда свалилась такая смешуля. Я смешуля, правда? Из меня неизвестно что выйдет. Не веришь? Если я вдесять лет не сойду с ума, то, возможно, из меня выйдет гений. А ты кем собираешься стать?

— Еще не решил. А почему из тебя может получиться гений?

— Так все говорят. Я уже играю «Маленькие инвенции» Баха. Леплю из пластилина натуру. Но душа моя принадлежит балету. Я балерина-самоучка. Хочешь покажу?

Она сняла туфли, встала на цыпочки и завертелась по ковру. Валька не был знатоком балета и решил про себя, что выламывается она здорово. Машенька-Маруся кружилась вихрем, только руки и ноги мелькали перед Валькой, она уже перестала напевать, а только изредка выкрикивала: «Это полет

птицы!», «Это летит на луну ракета!». Валька уже подумал, что она не доживет нормальной до десяти лет, как вдруг наступило возмездие. Запнувшись на ровном месте, балерина-самоучка плашмя рухнула на ковер. Валька вскочил с кресла, чтобы помочь ей, но он не знал Машеньку-Марусю.

— Сиди! — крикнула она, повернув к нему красное личико, — это так надо. Это самый трудный «пируэт». «Пируэтом» танец и закончился. Машенька-Маруся поднялась с пола и, хромая, направилась к двери.

— Я сейчас приду, только проведу маленького Филина.

Филином звали крохотную собачку, черненькую и гладенькую, как телефон. Машенька-Маруся принесла ее в подоле фартука, и она сразу же вызверилась на Вальку. Откуда только в таком крошечном теле бралось столько визга и злости? Валька не признавал таких собак. Собака должна быть собакой, а это какая-то финтифлюшка. Он так и сказал:

— Это не собака, а финтифлюшка.

Машенька-Маруся не обиделась, потрянула фартуком, и Филин полетел на пол. На такое унижение он не ответил лаем, а поджал обрубок хвостика и убрался из комнаты.

— А каких собак ты любишь?

— Охотничьих или немецких овчарок. Немецкая овчарка, как человек, все понимает, только говорить не умеет.

И здесь Валька заметил, что их разговор слушает женщина в черном платье, с букетом астр в руках.

— Машенька, ступай переоденься, — приказала она дочери и после этого посмотрела на Вальку, — ты к Сергею Васильевичу, он дома? — спросила она.

— Здравствуйте! — растерялся Валька. — Нет, он ушел. Он сказал, что придет через полчаса.

Женщина поставила цветы в вазу, села в кресло под лампой-великаном и дернула за шнурок. Лампа зажглась, и Валька понял, что уже вечер.

— Надо знать Сергея Васильевича, — все таким же приказным голосом сказала женщина, — полчаса у него понятие растяжимое.

Носком туфли женщина указала на портфель, лежащий на полу.

— Это твой?

Валька нагнулся за портфелем.

— Приходи в другой раз, — сказала она, — только предварительно позвони.

Валька не спросил номера телефона, женщину он с первого взгляда стал бояться. Раздумывая, в какую дверь идти, он нерешительно топтался на месте, и тут в комнату вбежала Машенька-Маруся в новом платье, а за ней у двери появилась пожилая женщина в белом фартуке с оборками.

— Очень, очень мило, — сказала Марусина мама, разглядывая платье на Машеньке-Марусе, — изумительно получилось.

У нее, видимо, болела голова. Она прикрыла глаза ладонью и стала нюхать флакон.

— Пойдем, я тебя провожу, — шепнула Вальке Машенька-Маруся, — мама не в духе.

Во дворе Машенька-Маруся стала вдруг робкой и смиренной. Трое мальчишек, не старше первоклассников, загородили им дорогу.

— Где же твой медвежонок? — кричали они. — Тебе же папа привез из Арктики медвежонка.

— Он ей моржа привез!

Потом они стали кричать:

— Маленькая большуха! Маленькая большуха!

— А вы барахло, — крикнула в ответ Машенька-Маруся, цепляясь за Валькин рукав, — есть у меня медвежонок, вот он видел.

— Есть у нее медвежонок, — крикнул Валька, — а ну, рассыптесь, головастики.

— Головастики, головастики! — подхватила Машенька-Маруся и остановилась. Ей еще предстояло возвращаться обратно. Одной. Валька поглядел на «головастиков», подждавших Машеньку-Марусю посреди двора, и сказал:

— Ладно, маленькая большуха, идем я отведу тебя домой.

«СНАЧАЛА Я ВАМ РАССКАЖУ О СЕБЕ»

Вальке новая вожатая понравилась. Не сразу, конечно.

— Вот, полюбуйте, — сказала ей Надежда Федоровна, когда Валька вошел в учительскую, — это автор того самого сочинения.

Она передала сочинение Гале и посоветовала разобраться на сборе отряда. «Он пожелал лучшей ученице остаться на второй год, — сказала она при этом, — а скорей всего получится наоборот».

Галя взяла сочинение.

— Идем, Валя, познакомимся.

Как будто ей и так не было ясно, кто он такой.

В коридоре была перемена. Мальчишки толпились по уг-

лам и у окон, а девочки чинно прогуливались взад и вперед. Но стоило только зазвенеть звонку и дежурной учительнице направиться в учительскую, как в коридоре поднялось что-то невероятное. Мальчишки выскочили из своих углов, успели в одну минуту учинить несколько драк, растолкать девочек и подняли такой гам, что Галя зажала уши.

— Знаешь, Валя, тут страшно.

Валька улыбнулся, такой водоворот всегда был перед последним уроком.

Они вошли в класс. Застучали крышки парт, все поднялись и уставились на Галя.

— Здравствуйте, — сказала она, — я ваша вожатая. Зовут меня Галя.

Больше она ничего не успела сказать, вошла Надежда Федоровна, и Галя отправилась на последнюю парту. Вальке здорово повезло, что пришла новая вожатая. Надежда Федоровна разбирала и читала сочинения.

— Об одном сочинении я ничего говорить не буду, — сказала она в конце урока. — Человек, который его написал, не знает, что такое дружба. И если он и дальше будет относиться так к своим товарищам, то жизнь его будет бедна и ничтожна, в ней не будет очень многого — друзей.

Надежда Федоровна говорила четко и спокойно, как будто в классе писали диктант. Она всегда так говорила, когда кто-нибудь из взрослых сидел на последней парте. После звонка она сообщила, что в отряде сейчас жизнь пойдет по-иному.

— У нас есть все возможности, — сказала она, — стать отрядом — спутником семилетки. Все ребята у нас активные. Если работать по-настоящему, то разве нельзя выйти на первое место в школе? Это же позор, что третьеклассники обогнали нас по сбору лома и макулатуры.

Валька потихоньку запихивал в портфель тетради и книжки. Неужели не подвернется момент смотаться потихоньку?

— И еще новая вожатая, — говорила Надежда Федоровна, — расскажет вам о новом в пионерском движении, о том, как надо работать в зонах пионерского действия..

Надежда Федоровна ушла, и к столу вышла Галя. Ростом невелика, волосы русые, коротко остриженные. Если надеть на нее форменное платье и фартук — не отличишь от десятиклассницы. Но на Гале синий свитер, черная юбка и желтые бусы — она студентка. Ей уже можно носить бусы и кольца и даже красить губы. Но губы у нее свои. Ребята разглядывали Галю и ждали, что она скажет. Наверное, про зону пионерского действия, раз это самое новое. Но она ничего про зону говорить не стала. Посмотрела на Тусю Сорокину и сказала:

— Когда я училась в пятом классе, то сидела вот на том месте, где сейчас эта девочка.

Потом она подошла к Тусиной парте и попросила:

— Уступи на минутку мне свое место.

Туся встала, а новая вожатая села за парту.

— Рядом со мной сидел Петя Хоменко. А впереди Света Макарова. А вот там, на второй парте, сидел Даня Зверковский. У нас хороший был класс.

Она поднялась из-за парты и опять прошла к столу.

— Сначала я вам все расскажу о себе, — сказала Галя, — а потом, день за днем, я все узнаю о вас. А еще мы постараемся сделать так, чтобы у нас в отряде было весело. Ведь это здорово, когда весело? Правда?

Кажется, на этот раз пятому «А» повезло. Новая вожатая понравилась с первых слов. И хоть рассказывала она совсем невеселую историю, в классе была такая тишина, как на итоговой контрольной.

— ...Где он нашел эту мину, никто не знал. Принес в класс, все ее рассматривали и никто не догадался забрать мину и отнести в учительскую. А вечером Даня Зверковский погиб. Пошел он во двор, взял камень (каждому интересно, что там внутри) и стукнул. Хоронили Даню всей школой. Мы с ним вместе учились с первого класса, он был в том же детском доме, что и я.

Девочки заплакали, услышав о том, что через год нашлись и приехали за Даней мама и бабушка. А Дани уже не было.

— Я вспомнила Даню, ребята, потому что было это все в таком же пятом классе. И еще потому, что мы будем ходить в походы, будем попадать даже в опасные истории. И в таких случаях надо быть умными и осторожными.

Она стала рассказывать про других ребят из своего пятого класса. И тут Ната Кокина подняла руку.

— Мне домой надо. Ко мне в семь часов учительница музыки приходит.

Она испортила весь рассказ. Галя посмотрела на часы и сказала, что пора прощаться.

А потом все вместе вышли на улицу.

— С кем мне по пути? — спросила Галя.

Многим ребятам было в ту сторону, а Варя Коноплянская даже жила в доме напротив общежития пединститута. Валька подумал и тоже пошел с ними. И не пожалел. По дороге Галя рассказывала о своем отце, о письме, которое получила из редакции.

— Теперь каждый день просыпаюсь и думаю: вдруг сегодня придет ответ из Тамбова.

Один за другим отставали ребята, сворачивая на свои улицы. Завернула в свой двор Варя Коноплянская. Валька и Галя остались одни.

— А ты где живешь, Валя?

Валька замялся.

— Я просто так шел. Я еще подожду, сходите, может, пришло письмо.

Галя посмотрела на него и промолчала.

— А у тебя есть отец, Валя?

— Нет, он умер. Он был на войне и его там ранили в голову. А потом он был почти здоровый, работал на заводе. А когда я уже родился, он заболел. Осколок остался. И умер.

Вот она какая война... Прошла, города отстроились, новые люди народились, а она еще не вся кончилась. Подорвался на противотанковой мине мальчик Даня, умер Валькин отец. Новая вожатая не знает даже имени своих родителей.

Валька стоял у четырехэтажного общежития и думал о

том, что было бы здорово, если бы Галин отец нашелся. А Галя поднималась по лестнице и думала: «Хороший мальчишка этот Валька. Стоит и ждет».

— Иди домой, Валя, — сказала она ему несколько минут спустя, — ничего нет.

СКАЗКА О ПРИМЕРНОМ УЧЕНИКЕ И МАЛЬЧИШКЕ С ДВОЙКАМИ

Каждый день Валька ждал, что придет Галя и скажет, что получила письмо. Но письма не было. Если бы оно пришло, Валька узнал бы об этом сразу. Нет, лицо Гали не было грустным, и глаза ее смотрели весело на ребят, когда она спрашивала: «Ну, что у вас хорошего случилось за эти дни?». Но Валька видел, что письма еще нет.

О плохом Галя никогда не спрашивала. Каждый думал, что же действительно хорошего было в эти дни? Но Варя Коноплянская этого вопроса не понимала. Она поднимала руку и рассказывала именно о самом плохом. Что Саблин получил двойку по истории, а Витя Марков третий день ходит без воротничка. Леша Голованов принес в класс рогатку и пугал девочек на перемене. А Наташа Васильева сидела на арифметике с конфетой за щекой. Валька слушал и старался не смотреть на свою соседку. Если бы у него были спички, он бы поджег в эту минуту длинную Варину косу с коричневым бантом. Очень интересно знать Гале, кто получил двойку и кто сидел с конфетой за щекой.

— Все это очень грустно, — сказала Галя, — садись, Коноплянская.

Она не стала спрашивать: «Расскажи, Саблин, как ты получил двойку?». Не сказала Маркову: «Чтобы завтра же пришел с белым воротничком». Наташина конфета на арифметике тоже не интересовала ее. Она даже забыла про свой вопрос, а может быть, решила, что ничего хорошего за эти дни в таком классе быть не могло. У нее в этот вечер были задумчивые глаза и очень тихий голос.

— В одном классе, — начала она, — жили-были, учились и сидели на одной парте два ученика. Один ученик получал пятерки, ходил в наглаженной форме и больше всего на свете любил свои пятерки, свои тетрадки с пятерками и свою фамилию в классном журнале, после которой выстроились в линейку тоже пятерки. А другой ученик частенько получал двойки. Он бы, конечно, хотел получать пятерки. Но у него это не получалось. Разные вещи отвлекали его от занятий. То футбол, то кино, то мальчишка, с которым он дружил. Ему все говорили: бери пример со своего соседа по парте, будь таким, как он, учись так, как он. Но мальчишка с двойками не знал, как этот пример надо брать. Если бы пятерки были рыбами, он изобрел бы самый мудреный крючок и перетаскал бы их из дневника и тетрадей примерного ученика. Но пятерки всего лишь цифры. Как их добудешь, если задача не решается, а слова в диктante как раз на те правила, которые не учил.

Ему говорили: «Бери пример. Бери, бери пример». А как же возьмешь, если никто тебе ничего не дает? И тогда ученик с двойками возненавидел своего соседа. Он стал ему сыпать соль в чернильницу, вырывать страницы из учебников и даже как-то изловчился и нарисовал ему на спине мелом двойку. Но ничего не изменилось. По-прежнему пятерки плыли к примерному ученику, а его соседу доставались одни двойки. И тогда мальчишка с двойками написал своему врагу письмо. «У меня нет больше сил ненавидеть тебя, — писал он, — и я не хочу брать с тебя пример. Ты жаба и крокодил. Ты глуп, как пробка. Твое место не за партой, а верхом на ишаке. И вообще, советую тебе побольше заниматься физкультурой, а то скоро завяжешься узелочком и станешь похож на самую последнюю двойку».

«Так вот про что она рассказывает», — подумал Валька и обернулся, поглядел на ребят. Никто не заметил тревоги в его глазах, никто не знал про Валькино сочинение. А Галя таким же непривычно тихим голосом продолжала рассказывать эту историю, похожую на сказку.

— Когда примерный ученик получил это письмо, он рас-

сердился. «Ах, вот ты, оказывается, какой презренный двоечник!» — подумал он и прочитал письмо всему классу. А класс этот был очень хороший и дружный, хотя и принято было здесь помнить и рассказывать только о плохом.

— Вот и все, — сказала Галя своим обычным веселым и звонким голосом.

— Как все? — зашумел класс, — что же было потом? Что же там говорили про письмо?

— Что говорили? — Галя пожала плечами. — Давайте узнаем, что говорили. Предположим, что все это было в нашем классе. Как мы назовем примерного ученика?

— Петя! — крикнул Валька.

— А мальчика с двойками?

После долгих споров решили назвать Антоном.

— Петя и Антон, — сказала Галя, — подойдите к доске.

Все проводили взглядом несуществующих Петю и Антона.

— А сейчас, Петя и Антон, слушайте, что скажут вам ребята, — обратилась к ним Галя, — слушайте внимательно. А вы, ребята, говорите им всю правду в глаза, не стесняйтесь.

Первой, как всегда, подняла руку Варя Коноплянская.

Варя: Антон запустил свои уроки и стал ненавидеть за пятерки отличника. Это не пионерский поступок. Я считаю, что такого, как Антон, надо подтягивать всем классом. Когда он исправит все свои двойки, тогда и поймет, какое глупое и неприличное письмо он написал.

Гога Ватульян: А мне Антон нравится. Он же не виноват, что не может исправиться. Он ведь хотел получать пятерки, да все его отвлекало. А Петя вел себя, как эгоист. Он только свои пятерки любил. А что товарищ двоечник, это его не касалось.

Туся Сорокина: С одной стороны, виноват Антон. Учиться хорошо обязан каждый. И письмо такое он не имел права писать. За такие слова, как жаба и крокодил, он должен понести наказание. Но с другой стороны, виноват Петя. Раз он отличник, примерный ученик, то должен помогать отстающему. А Петя этого не сделал.

Витя Марков: С одной стороны, с другой стороны. Туся

как гадалка, что надвое сказала. Так не бывает. Надо говорить по-честному, кто виноват. По-моему, виноват Петя. И Антон правильное письмо ему написал. Подумаешь, отличник! Кому он эти пятерки получал? Сам себе. Пусть бы он на четверки учился, да товарищу помогал. Если Петины пятерки сложить с Антоновыми двойками, то получится, что оба они учатся на тройки.

Леша Голованов: Я хочу только сказать, что Витя Марков правильно все сказал. Кто только о себе думает, тот пусть и получает такие письма.

Наташа Васильева: А обзывать в письмах нельзя. Пусть бы он написал Антону — эгоист, самолюб, а жаба и крокодил — это ругательство.

Наташа Захарова: Ничего не ругательство. Он же его ненавидел. Он же, этот Петя, у него в печенках сидел.

Наташа Брамс: Я тоже отличница. Но если бы мне прислали такое письмо, я бы места себе не нашла. Вот пусть Коля Кузьмин скажет. Мы с ним даже летом по русскому занимались.

Снова Варя Коноплянская: Это потому, что Коля Кузьмин. А я вот сижу с Саблиным. Ему хочешь помочь, а он только издевается.

Валька Саблин: Когда это ты мне помочь хотела? Что-то не помню.

Варя: Он вообще хулиган и лодырь.

Валька: Нет, ты на вопрос отвечай, когда это ты мне помощь предлагала?

Варя: Ты бы ведь и не согласился. Тебе только списать бы и все.

Валька: Ох, и жаба.

Витя Марков: Коноплянская, ты не кипятись. А ты, Валька, возьми свою жабу обратно. Разговор тут серьезный. Пусть все отличники скажут, как они борются за честь класса, а не только за свои пятерки.

Ребята давно забыли, что Петя и Антон «стоят» у доски. И Гале пришлось им напомнить об этом.

Приговор этим невидимкам вынесли необычный: «Разобрать на совете отряда примерного ученика, отличника Петю за двойки».

Правильный приговор. Если бы каждый отвечал за двойки товарища, давно бы эта головастая отметка исчезла из классных журналов и дневников.

ГДЕ ЖЕ ТУТ ДЕЙСТВОВАТЬ?

Последние дни мелькали, как столбы за окном вагона. Валька впервые понял, что такое время и как его мало отпущено на день. После того, как Варя Коноплянская постучала в дверь их квартиры и сказала: «Давай, Саблин, будем вместе заниматься», Валька засел за книги. Варю он, конечно, выводил. Этого еще не хватало. Он сказал: «Спасибо, Коноплянская, но мне это не подходит. Пусть уж лучше тебя разбирают за мои двойки». Варя ушла, а Валька стал учить историю. Скучища это была отчаянная. Брахманы, шудры, касты. И еще надо запомнить, кого бог Брахма создал из своего рта, кого из бедер. Единственное, что запомнилось сразу — «Древняя Индия — родина шахматной игры». Но Валька выучил и брахманов и шудр назубок. И даже сказал при встрече Саньке: «Что, брат-шудра, как жизнь?» Санька не знал, что Валька решил покончить с двойками, и ходил надутый и хмурый, как туча. Тем более, что Валька ему нужен был, как никогда.

Он считал Вальку изменником, строил разные догадки насчет подозрительного гражданина в серой шляпе, но сердиться долго не мог. Такой у него был характер. И когда Валька спросил его при встрече: «Что, брат-шудра, как жизнь?», Санька забыл все обиды.

— Только дай слово, что не будешь смеяться, — сказал он.

Валька дал слово. Тогда Санька сунул ему записку. «Клава, — прочитал Валька, — давай с тобой дружить. Приходи сегодня к «Темпу» в 7 часов вечера».

Кинотеатр «Темп» был несчастливым местом. Достаточно вспомнить, как они выслеживали Сергея Васильевича. Саньке для первого свидания надо было выбрать что-нибудь получше. Валька так и сказал.

— Что ты привязался к этому «Темпу», у тебя же денег на билеты нет.

— Не в этом дело, — сказал Санька, — вечером нас туда все равно не пускают. Скажи, как ты считаешь: ничего мне за это не будет?

Еще не зная, как отнесется Клава к его записке, Санька уже думал о будущем. Вальке было любопытно, что из этого получится, и он подбодрил Саньку:

— А что может быть, — пожал он плечами, — самый обыкновенный факт. В кино даже показывают. Главное — не бойся.

Вальку все больше разбирало любопытство. Оглянувшись по сторонам, он спросил:

— Ты что, в нее влюбился?

Санька вздохнул:

— Она, понимаешь, первая влюбилась. Но боятся сказать, девчонка... В субботу записку прислала: «Приходи завтра, у меня день рождения». Я не пошел. Понимаешь, не решил еще точно, стоит ли начинать. А сегодня решил.

Валька удивлялся таким чудесам, но старался не показывать Саньке, как ему от всего этого весело. Если бы Санька не сказал: «В общем, так, иди и передай ей записку», Валька так и пошел бы домой с веселой душой. Но записка была у него в руках, Саньку ему обижать не хотелось, и Валька понял, что взял половину Санькиных опасений на себя. Веселое настроение вмиг исчезло.

— Слушай, а она не будет потом по школе трезвонить? — спросил он с тайной надеждой, что Санька передумает и порвет записку.

Но Санька вздохнул так глубоко и так обреченно сказал: «Мне теперь уже все равно», что Валька понял, надо нести записку.

Клава жила в маленьком домике посреди двора, который

окружали многоэтажные дома. Когда Валька шел по двору, ему казалось, что из всех окон этих больших домов смотрят на него и думают: «Один дурак влюбился, другой дурак записку несет».

Бабушка с кошкой на руках открыла ему дверь и тонким, слабым голосом позвала:

— Клавочка, к тебе мальчик пришел.

Он еще рта не успел открыть, а старушка уже догадалась, что он к Клавочке. Эх, была не была. Не он же в конце концов написал эту записку.

Клава выглянула в дверь и, увидев Вальку, удивилась:

— Тебе чего?

— Ничего, — ответил Валька, — так просто.

— Ну, говори, говори, — потребовала Клава, — не видишь разве — я босиком.

Она, наверное, мыла пол. Ноги были мокрые и на носу капельки пота. Тоже этот Санька, нашел, в кого влюбляться.

— На вот, — протянул он Клаве записку, — и помалкивай, ясно?

— Что это? — удивилась Клава, разворачивая записку.

— Что, что, — передразнил ее Валька, — не видишь, что ли, сама. От Саньки это.

Он быстрыми шагами пошел по двору. Не хватало только, чтобы она при нем читала записку.

Но босая Клава через минуту догнала его и схватила за рукав.

— Ты зачем это принес?

Вот так влип! И очень хорошо, нечего ввязываться в такие дела.

— Попросили, вот и принес.

— А почему он сам не пришел.

— У него спроси.

На крыльце она помнила, что стоит босиком, а тут на холодном асфальте не замечала этого.

— Скажи Саньке, что я приду.

Она запрыгала по асфальту к дому, и Вальке сразу стало

легко. Даже древние брахманы и шудры показались ему симпатичными предками. Во всяком случае, не надо было учить, кто из них в кого влюблялся и кто чьи носил записки.

На другой день на перемене Валька подошел к Саньке.

— Ну, все в порядке?— спросил Валька.

— Ты про что?

Санька сморщил нос и махнул рукой. Это выражало: «Нашел о чем спрашивать».

— Как записочки, так носи... Ладно, думаешь, мне интересно? Пожалуйста, не рассказывай.

— А что рассказывать? Прошлись по скверу, поговорили про Грузию. Она там жила в детстве.

Санька зевнул. Заметив, что Валька еще ждет чего-то, он зевнул еще раз.

— Скучная она, эта Клавка. Как зарядила про кино, скулы сводит. Карточки собирает артиста Харитонов. Он ее идеал.

Саньке было далеко до артиста Харитон. Он это понимал. Понял это и Валька. И, как настоящий друг, он сказал:

— Я так и знал, что ты не променяешь меня на эту Клавку. Уж если люди дружат — третий не мешайся.

Минуты и часы все убыстряли свой бег. Стоило только углубиться в задачу или как следует, с самой первой главы поучить историю, как даже часовая стрелка будильника начинала прыгать с цифры на цифру с подозрительной скоростью. Валька включал радио и сверял часы. Часы никуда не спешили, может быть, время на всей планете ускорило свой бег?

А тут еще всякие другие дела. Гога Ватульян предложил собирать лом на трактор. Недалеко от их города, в станице, учились смуглые парни — сыновья героической Кубы. Приехали они на Кубань солдатами, отстоявшими революцию, а здесь учились полезным мирным профессиям трактористов и комбайнеров. Срок обучения заканчивался, и пятиклассники решили подарить им перед отъездом трактор. Пусть пашет поля Кубы, пусть вспоминают молодые трактористы ребят из пятого «А».

Иногда Валька вспоминал о Сергее Васильевиче. Куда он пропал? Хотел было сходить к его дому, постоять, покарать, но так и не сходил. Потом обиделся. Как будто Сергей Васильевич что-то ему пообещал и обманул. Конечно, обманул. Привел в дом, познакомил с Машенькой-Марусей и исчез. Для чего-то же он его позвал.

Валька решил поговорить о Сергее Васильевиче с Галей. Она должна была прийти во вторник. Но как только она вошла в класс, он обо всем забыл.

Пришло письмо! Валька чуть первым не закричал об этом. Он знал, что она придет вот такая сияющая, когда придет письмо. И Галя действительно сказала:

— Знаете, ребята, пришло письмо!— Она достала конверт из портфеля и вынула оттуда листок с печатными строчками.

Кричать «ура» еще было рано, потому что в письме сообщалось только место, где Галя жила маленькой, но это уже была победа, может быть, полпути к встрече с майором Светловым. Галя сказала:

— Я, ребята, спешу. Пусть ваш первый поход в зону пионерского действия будет самостоятельным.

Зона действия пятого «А» раньше просто была улицей неподалеку от школы, мощеная камнем с одноэтажными домиками и с аптекой на углу. Еще на одном углу, там, где улицу пересекал переулок-тупичок, стоял киоск с надписью «Пиво — воды». Улица была незавидная: ни магазинов, ни библиотек, ни шумного перекрестка. Какое уж действие будет в такой зоне! Одна надежда на старушек-пенсионеров. Почему-то казалось, что на такой улице должно быть много старушек.

Наташа Васильева, любившая фантазировать, сказала:

— Это не улица, а неведомая страна. На земле этой улицы растут небывалые цветы и деревья. Эта улица наша, мы должны узнать, что за люди обитают здесь.

— Вы видите этот храм старины? — подхватил Гога Ватульян. — Нам надо держать совет с главным жрецом этого храма.

Ребята вошли в дом с вывеской «Домоуправление». Домоуправ, толстая женщина с огромными очками на носу, посмотрела на часы, потом на ребят и сказала сердитым басом: «И что вы приходите вечно не вовремя». Потом она поднялась из-за стола, закрыла шкаф, набитый папками, на три замка и остановилась возле выключателя:

— Ну, какой у вас вопрос?

Вопроса не было, был рассказ, который подготовила Варя Коноплянская.

— В зону пионерского действия... — начала она.

— Ясно, — сказала домоуправша, — все ясно. Вы из тридцать второй школы? Возьмем это на заметку. Как будет воскресник или какое другое мероприятие — сообщим. — Сказала как отрезала и выключила свет.

Возвращаясь назад, решили, что ходить всем скопом — это только терять время. Договорились, что завтра в зону выйдут разведчики и все разузнают, кому, где и какая помощь нужна. Выбрали пять человек, в том числе и Вальку.

После уроков на следующий день разведчики вышли из школы. Взяли с собой чистую тетрадку, и скоро там появились записи. «Возле дома № 27 поломан забор», «Во дворе дома № 35 гуляла девочка. Сказала, зовут Тата», «Двух старушек заметили в окне дома № 42». Не знали старушки и маленькая девочка Тата, какая грозная сила подбиралась к ним. Разведчики уже решили их судьбу: над девочкой возьмут шефство — будут с ней гулять, свяжут к зиме рукавички и наместерят игрушек. А старушкам вообще останется только сидеть у окна да строчить письма в газеты о добрых делах пионеров. Все за них будут делать пятиклассники.

Первым взбунтовался Леша Голованов.

— Нельзя все так записывать, что глаза видят. Может, девчонка после яслей гуляет во дворе, а старушки и вовсе к кому-нибудь в гости пришли чаю напиться.

Валька поддержал его.

— Ерунда все это, а не разведка. Надо такое, чтобы действовать. Это же зона действия!

Туся Сорокина тоже разочаровалась в разведке:

— Вы тут ищите, а я пойду в аптеку. Там уж, наверняка, помощь нужна. — И ушла.

Остались Леша Голованов, Витя Марков, Гога Ватульян и Валька. Тетрадку Гога свернул трубочкой и смотрел в нее, как в подзорную трубу.

— Вижу козу, — сообщал он, приставив трубу к щели забора, — коза говорит, что зовут ее Мемекалка. Занесите, пожалуйста, в свою тетрадочку козу.

Ребята развеселились и незаметно дошли до киоска «Пиво — воды». Киоск уже был закрыт, и возле него прямо на земле сидел пожилой человек без шапки. Волос у него на голове было мало, и круглая лысина поблескивала в свете фонаря.

— Деточки, родные вы мои деточки, — сказал мужчина и попытался встать.

— Что с вами? Вам плохо? — спросил Леша.

— Плохо мне, деточки, — сказал мужчина и заплакал, — плохо мне, дорогие вы мои.

— Ходим, в тетрадочку пишем, — возмутился Валька, — а тут человек умирает, а мы смогрим.

— Умираю, — подтвердил мужчина, — умираю, сыночки.

Мальчики подняли мужчину с земли и стали решать, куда его вести.

— Надо вызвать скорую помощь, — решил Леша, — ты, Витька, беги в школу и звони, а мы отведем его на скамейку.

На скамейке умирающий вдруг завопил на всю улицу: «Мы с тобой два берега у одной реки-и-и»: Лица мальчиков вытянулись.

— Лешка, беги за Марковым, не надо скорой помощи.

Он пьяный, — крикнул Валька.

Мороки с этим пьяным было по уши. Сначала он сказал свой адрес и шел довольно мирно, потом вдруг опустился на тротуар и стал допытываться:

— А куда это вы меня ведете? Нет, шалите, хлопчики, в милицию я с вами не пойду. Не хочу и не имею права.

Его уверили, что ведут домой, и он поднялся.

Все шло нормально и вдруг случилось самое ужасное.

— Гога!! Гошенька!!! — раздался позади женский крик. Мама Ватульян кричала так, как будто ее Гошенька висел над пропастью и ему грозила гибель. — Что же это такое? Кто же это тебя заставил? Гошенька, как ты попал в эту ужасную компанию? — Ужас ее был настолько велик, что она не узнала Вальку, Лешу и Витю. Она схватила своего Гошеньку за рукав и потянула на мостовую.

Пьяный, которого Гога в пути поддерживал за талию, оказался неблагодарным субъектом. Он крикнул вдогонку:

— Так его, так, уважаемая гражданочка! Покажите ему, где раки зимуют!

Мама Ватульян оглянулась, и на этот раз узнала товарищей своего сына.

— А с вами будет разговор у директора, — пригрозила она.

После такого предупреждения мальчишки приуныли. Кто знает, чем все это кончится. Они оставили пьяного, который довольно бодро пошел обратно.

— Опять в нашу зону направился, — сказал Леша.

Для веселья момент был самый неподходящий. Но после Лешкиных слов Валька и Витя зашлись от смеха. Вели, поддерживали, можно сказать, на правильную дорогу выводили, а он обратно потопал. И куда? В зону! В общем, действовать в такой зоне все равно, что ходить по грибы в городской сквер. Разведка установила это точно.

ОТВЕТЫ НА РАЗНЫЕ ВОПРОСЫ

На другой день после уроков Вальку, Гого, Витю и Лешу вызвали в кабинет директора. Когда тебя вызывают в такое место не одного, это совсем не страшно.

— Всыпят нам за этого пьяницу, — сказал Леша, — а все

это Гошкина мать. Представляю, какой она шум устроила.

Гога чувствовал себя виноватым. Вчера вечером отец и мать очень долго ему доказывали, какое зло пьянство. Они так долго убеждали его, как будто их сына вчера вели пьяного по улице. Наверное, и директор будет говорить что-нибудь в этом роде.

— Договорились так: все рассказывать, как было, — сказал Валька и вздохнул: надо же было влипнуть в такую историю.

Он не боялся встречи с директором, Татьяной Федоровной. Просто не выносил длинных разговоров о том, что всем давно известно. Ему надоело притворяться виноватым, глядеть в пол и отвечать полным предложением. Как только взрослые не понимают, что не от раскаяния, а от тоски мальчишки дают слово исправиться и просят извинения.

Валька открыл дверь, и все вошли в кабинет. Директор сидела за большим письменным столом и что-то писала.

— Здравствуйте, — сказали вошедшие.

Директор подняла голову, поздоровалась и сказала:

— Садитесь.

И тут же зазвонил телефон. Ребята стали рассматривать потолок и стены. Они явно старались показать, что думают о другом и ничего не слышат.

Директор говорила в трубку:

— У меня вечером педсовет. Я бы тоже, Вася, этого хотела, но не могу. Да, да. Главное, не волнуйся. Остались одни формальности.

Она положила трубку и стала смотреть в окно. Потом сказала:

— Муж мой сегодня защищает проект домостроительного комбината. Комиссия приехала из Москвы, — потом, видимо, вспомнила, что ребятам это сообщать совсем не обязательно, и замолчала.

А мальчишки не могли ей сказать: «Считайте, что мы все понимаем. Расскажите о проекте, ведь и вам и нам это сейчас интересней всего другого». Не могли они этого сказать, не бы-

ло у них такого права. Они сидели на диване и ждали, как их будут отчитывать. Вчетвером это было не очень страшно. Как маленьких детей некоторые родители пугают милиционером, так им с первого класса грозили директором. Ни один учитель никогда не сказал: «Исправь свои двойки, отличишься в хорошем деле и тебя вызовут в кабинет директора». Встречу с директором обещали только как наказание. Поэтому все четверо удивились, когда директор сказала:

— Первый блин комом бывает не только у тех, кто печет блины. Намерения были у вас самые добрые, и никто не виноват, что получилось в первый раз не так, как хотелось бы. Работа в зоне пионерского действия, это не только тайная тимуровская помощь людям. Здесь можно и просто постучать в чужую дверь и спросить, какая помощь нужна. А люди могут ответить: «Нам от вас ничего не нужно». Потому что человеку всегда очень трудно рассказывать о своих трудностях незнакомым людям. Я хочу, чтобы вы хорошо это поняли, ребята! Помощь принимают только от друзей. Подружитесь с людьми в вашей зоне, и тогда вы увидите, какая это большая радость — быть нужным.

Директор говорила с ними, как с равными. Валька почувствовал, как плечи и руки его стали легкими, что-то такое, что сковало его перед входом в кабинет и держало в напряжении, вдруг ушло, и он увидел большую картину на стене: мальчишка с собакой возле костра. Увидел чернильное пятно на белой занавеске окна. Кабинет стал просто комнатой, в которой работает директор, и все в этой комнате было понятно и просто.

Директор говорила:

— Научиться писать без ошибок и решать задачи — это еще не все. Надо, чтобы каждый из вас научился быть добрым, отзывчивым, умел радоваться чужой удаче и помогать тем, с кем случилась беда.

— Этому нельзя научиться, — сказал Валька, — если человек добрый, он этому не учился. Он добрый и все.

— Вы тоже так думаете? — спросила директор Витю, Гогу и Алешу.

Те поддержали Вальку. И директор не стала спорить, она только сказала:

— Конечно, не по учебникам учатся доброте. Учит жизнь. Вы в этой жизненной школе еще первоклассники.

Потом она посмотрела на картину, и улыбнулась.

— Вчера ко мне привели одного деятеля из первого «Б». Писал свои палочки и сам ставил себе отметки. Считал лишним сдавать тетради учителю. Решил, что каждый все, что в его силах, должен делать сам. Так вот, первое, что он сказал, когда вошел сюда, относилось к этой картине: «Вы это сами нарисовали?».

Мальчишка у костра о чем-то мечтал. Это был смелый человек: один ночью в лесу. Собака не внушала особого доверия — обыкновенный Бобик или Тузик, небольшая дворовая собачка. Только очень смелый человек решился бы с таким псом ночевать в лесу.

Мальчики смотрели на картину и каждый представлял себя у этого костра. Гога Ватульян спросил:

— А кто нарисовал?

— Сергей Васильевич Померанцев. Вы, конечно, знаете его картины?

Ребята ничего на этот вопрос не ответили. Много забыается. Забыли они вожатую Зою и как она их водила в художественный музей. Да и что помнить, если все это было в понедельник, когда в музее выходной.

Валька поднялся и рванулся к картине.

Вот, оказывается, кем была «подозрительная личность», выручившая его от рыжей тетки. Вот кем был человек, о котором Машенька-Маруся сказала: «Талантливый, как сорок тысяч братьев». Все заметили, что с Саблиным что-то случилось. И все ждали, что он что-нибудь скажет. Но он ничего не сказал, даже не попрощался и не закрыл за собой дверь, выбегая из кабинета директора.

Бывают такие совпадения, которые люди называют предчувствием. Валька бежал домой, как будто опаздывал на свидание с Сергеем Васильевичем. Может быть, вспоминая эти

минуты, Валька впоследствии скажет: «Я бежал домой, предчувствуя, что во дворе ждёт меня Сергей Васильевич».

Валька вбежал в свой двор и действительно столкнулся с Сергеем Васильевичем.

— Здравствуй, покоритель горных вершин, — сказал художник. — Какие собаки гнались по пятам твоей доблестной личности?

Валька не удивился этой внезапной встрече, отмахнув волосы с мокрого лба, он выпалил:

— А я знаю, кто вы! Вы — художник Померанцев.

— Похвальная догадливость, — ответил Сергей Васильевич, — но случилось более невероятное — ты не знаешь, кто теперь ты сам. А я знаю. И сообщу тебе об этом, если ты без всяких вопросов последуешь за мной.

Они вышли на улицу и молча пошагали рядом. Потом вошли во двор, в котором Валька уже был. Мальчишки, которые прозвали дочку художника «маленькой-большухой», перестали гонять по асфальту мяч и устали на Вальку. Нет, они не собирались сводить с ним счеты за «головастиков», похоже, что они завидовали ему.

— Ну как, в прошлый раз вы поладили с Марусей? — спросил Сергей Васильевич, открывая узкую дверь, ведущую на чердак.

Валька не успел ответить. Из маленького коридорчика они попали в большую комнату, увешанную и уставленную картинами. Вернее, тех, что Валька считал картинами, было немного — штук пять или шесть. Остальные картинки. На фанерках, на листах ватмана — бородатые мужчины с трубками в зубах и кучерявых папах, уснувший молодой солдат в обнимку с винтовкой. Были и такие картинки, которые просто не заслуживали внимания. Например, ухо и шея, намазанные черной краской.

Сергей Васильевич включил свет и надел чёрный халат, заляпанный красками.

— Вот теперь, Саблин, ты у меня в гостях и можешь спрашивать, о чем угодно.

В комнате на чердаке, которую Сергей Васильевич называл мастерской, получился хороший разговор о днях, давно минувших.

— Понимаешь, Саблин, — говорил Сергей Васильевич, — совсем особенное, великое это было время. Все было. И шашки на весу, и кони на скаку, и алые звезды, и бурка, как черное крыло, за спиной. Буденновцы, чапаевцы... Били белых и знали: вот она, начинается новая жизнь. Мало о той новой жизни знали, но твердо верили в одно — будет она самая справедливая на всей земле. Слушай меня внимательно, Саблин, давно стоит у меня перед глазами одна картина. Бой утих, и ночь прошла. Солнце поднялось из-за леса. Но спят, не видят утра усталые красноармейцы. Ничто их не будит: ни лучи солнца, ни ржанье лошадей, привязанных у березок. Устали люди, навоевались. Снятся им хорошие сны. Только один, самый молодой красноармеец не спит. Мальчонка лет двенадцати. Проснулся. А кругом тишина. Стрекоза села ему на коленку. А кругом утро. И у мальчонки этого все впереди. Большая-большая жизнь. А? Вот таким я вижу утро нашей страны в первые дни ее рождения.

Он усадил Вальку на низкую табуретку и сказал, что сейчас они будут работать, что он будет с него рисовать того мальчонку. Валька замер, даже дышать стало трудно, так он старался.

— Не напрягайся, — вызволил его из этого состояния Сергей Васильевич, — дыши нормально. А лучше всего давай разговаривать. Ты спрашиваешь — я отвечаю.

— Как вы стали художником? — спросил Валька.

— Это не вопрос, — сказал Сергей Васильевич. — Потому что очень любил рисовать, потому что и теперь люблю рисовать. Потому что больше ни на что не способен. Видишь, какой скучный ответ получился. Задавай лучше мне философские вопросы: почему, например, на лице у человека нос, и не какой-нибудь, допустим, пушистый хвост.

Валька в философских вопросах не разбирался. Он спросил:

— А почему ваша дочка считает себя гениальной?

— Даже так? — Сергей Васильевич помрачнел. — Считает себя гениальной, потому что дуручка. Есть и взрослые, которые считают себя гениальными. Это — большие дураки. Но она маленькая, она еще все поймет.

— Может и не понять. Понравится и будет кривляться всю жизнь, — сказал Валька.

— Тогда будем мы с тобой виноваты в этом, Саблин. Мы ведь знали об этом и ничего не сделали.

«ТЫ В КАКОМ ВЕКЕ ДО НАШЕЙ ЭРЫ ЖИВЕШЬ?»

Дела в зоне постепенно налаживались. Девочки каждый день дежурили в аптеке, организовали свою «скорую помощь». Теперь те, кто не мог прийти за лекарством, оставляли вместе с рецептом адреса. Потом всем отрядом вдоль улицы посадили тридцать топольков. Пока это были метровые прутики с двумя тремя веточками. И ребятам казалось чудом, что весной эти прутики покроются листочками, а через несколько лет станут могучими деревьями, которым не страшны ни ветры, ни бури.

Однажды Туся Сорокина постучала в дверь Валькиной квартиры. До этого девочки к нему не ходили, и Валька растерялся.

— Здравствуй, — сказал он и отступил, пропуская Тусю в комнату.

Туся огляделась по сторонам.

— У вас одна комната? — спросила она, разглядывая окно, стол и стены.

Впервые в жизни Валька почувствовал смущение оттого, что живут они бедновато.

— И телевизора нет? Счастливая твоя мама. У нас в доме телевизор — причина всех ссор. По мнению мамы, все несчастья с детьми от телевизора. Глупо, да?

Она села на стул,правила складочки платья и заговорила начальственным тоном:

— Я к тебе по делу. Надо доставить лекарство в дом номер семь. В шесть часов дежурить моя очередь, а я не могу. Понимаешь, очень заболела сестренка, и я никак не могу вырваться.

Валька по глазам видел, что она врет. Скорей всего, не может оторваться от телевизора. Но прямо сказать человеку, что он врет, он еще не умел.

— Ладно,— сказал он,— я схожу.

Туся из благодарности решила поболтать с ним о чем-нибудь.

— Ты что-нибудь собираешь? Ну, марки или артистов? У нас в доме сейчас все помешались на спичечных этикетках. А мой папа коллекционирует зажигалки.

Почему-то этот разговор разозлил Вальку.

— Ничего я не собираю. А чего ты расселась, у тебя же сестренка больна.

Туся обиженно захлопала ресницами, дернула плечом и ушла.

...В аптеке ему дали пузатую бутылочку с коричневой жидкостью. Валька зажал ее в кулаке и зашагал к дому номер семь. Он был на окраине, в самом начале улицы. На калитке висела эмалированная табличка с черной головой собаки. Валька с опаской открыл эту калитку. Собачьей будки нигде поблизости не было видно, и это вызвало опасение. Пес мог выскочить из любого угла. Валька сделал несколько шагов по уложенной кирпичом дорожке и остановился. Вот задача! Как же быть? Можно было сразу позвать собаку каким-нибудь именем, чтобы она, наконец, объявилась. А вдруг это здоровенная собака, с которой лучше не связываться? Валька сделал еще шаг... и залаял: «Гав-гав-гав»... Лай был заискивающий, извиняющийся. Собака должна была понять, что идет вежливый, безобидный щенок.

Нет ничего хуже неизвестности. «Гав-гав-гав!»— полаял Валька еще немножко.

Или собака была беспросветно глуха, или готовила тайно подлое нападение, но разговаривать на своем языке с появившимся мальчишкой явно не хотела. «Гав-гав-гав»,— в голосе у Вальки появились рычащие нотки.

И вдруг он увидел возле сарая круглые испуганные глаза, потом эти глаза перестали быть круглыми, и Валька услышал смех:

— Ты на кого это гавкаешь? — спросила девочка в крест-накрест перевязанном на груди платке. В руках у нее было пустое ведро. Помахивая им, она вышла на кирпичную дорожку.

— Ты лекарство, наверное, принес?

Девочка взяла бутылочку с коричневой жидкостью, потрясла ее и сунула за платок.

— А где собака? — спросил Валька.

Девочка огляделась вокруг:

— Какая собака?

— Обыкновенная. Чей портрет на калитке висит.

— Ах, эта! — девочка опять засмеялась. — Нету никакой собаки. Просто так повесили объявление с собачьей мордой, чтобы чужие не лезли.

Валька понял, что попал в смешное положение. Еще бы ей не смеяться над ним, идет по двору и сам на себя гавкает.

— Обманом занимаются твои родители, — сказал он и, чтобы она поняла, кто он такой, объяснил:

— Эта улица — наша пионерская зона. И пусть твой отец или мать завтра же оторвут эту табличку с калитки. Нечего портить вид улицы.

Глаза у девочки опять стали круглыми, и Вальке это понравилось. Испугалась, то-то же! Нечего смеяться над человеком, который пришел к тебе с помощью.

— В каком ты классе учишься? — Он уже приготовился высказать ей свое возмущение: «Ходишь тут с ведерком по двору, а кто-то должен за тебя по аптекам бегать», но не успел.

— Ни в каком я классе не учусь, — сказала девочка и зло сверкнула на Вальку глазами, — и никаких тут моих родите-

лей нету. Я не тутешняя. Бабка у меня больная, помрет, наверное. А меня сюда привезли, потому что бабка мне дом в наследство отписала.

— Погоди, погоди, — Валька взял девочку за руку и повел ее к скамейке.

На другой день Валька обо всем рассказал Гале.

— Это же как при царском режиме: Катя не учится в школе, ждет, когда ей привалит наследство, а мы носим лекарство и мешаем этому делу. Нет, вы не улыбайтесь, Галя. Получается как? Мы носим лекарство — бабка подлечивается и не умирает. А Катя не учится.

Галя перестала улыбаться.

— Дело серьезное, Валя. Девочке мы обязательно должны помочь. И поможем.

Катя вместе с теткой приехала в город в августе. В своей станице она закончила четыре класса. К началу учебного года Катя должна была вернуться домой. Но бабка серьезно расхворалась, просила внучку подождать, а однажды достала из-под подушки бумагу и таинственным голосом прочла ее. Катя ничего не поняла, и бабка даже обиделась: «Неблагодарная. Полной наследницей тебя делаю. Дом и деньги все на твое имя отписала». Тетка, узнав об этом, стала целовать Катю и назвала «счастливицей». Кате и самой хотелось быть счастливицей. Она выходила в сад и думала: «Этот сад мой, и дом мой, и скамеечка моя. И уроки я не учу. И никто меня не ругает. Наверное, и в самом деле я «счастливица».

Но вот пришел как-то во двор чернобровый мальчик с серыми глазами. Принес лекарство. В другой раз он привел с собой курносого паренька, который прижимал к груди толстый портфель без ручки.

— Здравствуй, Катя, — сказал Валька, — хорошенькое дело ты придумала — не учиться. Интересно, в каком веке до нашей эры ты живешь? А это мой друг Санька. Мы вместе будем с тобой заниматься. Санька такой человек: не может пройти мимо отстающего и не протянуть руку помощи.

Мальчики переглянулись, и Кате показалось, что они подмигнули друг другу.

«НЕТ, ВАЛЯ, УЕЗЖАТЬ ТЕБЕ НИКАК НЕЛЬЗЯ»

Галю вызвала директор.

— Не слишком ли смелый эксперимент мы затеяли? — спросила она. — Девочка отстала, к тому же она сейчас находится в трудном положении. Это наследство, больная бабушка... Имеем ли мы право оставлять ее вне школы, хотя бы на день? И что дадут ей занятия с учеником, который не блещет глубокими знаниями?

Галя была готова ответить на все эти вопросы. Да, послать Саблина оказывать помощь отставшей девочке — рискованный шаг. Но ведь она, Галя, не только вожатая, она через три года будет учительницей. Она имеет право на такой эксперимент. Если поручить занятия Вареньке или Тусе Сорокиной, то польза будет только Кате. А если Саблин будет с ней заниматься, то польза от этого будет двойная. У Вальки есть характер, есть золотое качество души — бежать навстречу человеку, которому нужна помощь. Так пусть в этом случае он поможет и самому себе.

Все это Галя сказала директору таким взволнованным, счастливым голосом, что та в удивлении поднялась из-за стола.

— У вас что-то случилось?

Да, случилось. Случилось большое событие. Из Тамбовской области пришел пакет с документами. Много незнакомых людей помогали ей отыскивать этот пакет, который хранился на дне сундука у старика Почивалова. Многие помнили Галю, когда она была маленькой и жила у Почиваловых. Пришло письмо и от самого Пантелея Ивановича: «Дорогая наша доченька Галюша, — писал он, — приезжай к нам погостить. Внуки мои уже большие, добрые хлопцы, может, какой и придет-

ся тебе по душе, и останешься ты с нами жить навсегда. А старушка наша, уважаемая Анна Свиридовна, померла еще при тебе. Помнишь ли ты ее? Помнишь ли, как кормила она тебя медком с нашей пасеки? Приезжай, доченька, меду у нас нынче столько, сколько никогда не бывало».

Галя читала письмо и плакала. Ей казалось, что она помнит всех этих хороших, родных людей, но поехать к ним сейчас не могла. В пакете, который прибыл на ее имя, был адрес родителей отца. Она поедет сначала к ним на Урал, в город Нижний Тагил. Даст телеграмму и поедет. Галя сходила в деканат института и попросила отпуск на десять дней.

...Валька стоял на перроне и ждал. Он узнал, что поезд отходит поздно вечером и что Галя специально не сказала об этом ребятам, чтобы не провожали. Он не учел, что, кроме пятиклассников, у Гали есть свои друзья. Они провожали ее с цветами, а какой-то очкастый в коричневом пальто держал ее под руку. Валька почувствовал себя лишним. Нет, он не обиделся, он просто отошел в сторонку, стал за тележку «Мороженое» и стал смотреть, как Галя уезжает в Нижний Тагил. Когда по радио сказали, что до отхода остается пять минут, Галя увидела его.

— Валька! — закричала она. — Саблин! Иди скорей сюда!..

Он подошел.

— Вот, это Валентин Саблин, — представила она его студентам, — мой друг.

Она положила ему руку на плечо, а он, совсем не думая что говорит, сказал:

— Галя, сделайте доброе дело, возьмите меня с собой.

Кто-то из студентов попробовал рассмеяться, но ничего из этого не получилось. Лицо у Гали было серьезное.

— А Катя? А Сергей Васильевич? — спросила она. — Нет, Валя, уезжать тебе сейчас никак нельзя.

«МНОГО ХОРОШИХ ЛЮДЕЙ НА СВЕТЕ»

Есть люди, которых жизненные неудачи и беды делают неуверенными и робкими на долгие годы. Такой была Надежда Семеновна, Валькина мать. Смерть мужа подкосила ее силы. Когда на работе спрашивали, нужна ли ей какая-нибудь помощь, Надежда Семеновна благодарила и отказывалась. Она считала, что люди и так очень много делают для нее. Каждое лето выдают сыну бесплатные путевки в пионерский лагерь, предоставили однокомнатную квартиру в новом доме, подарили на новоселье стиральную машину. Надежда Семеновна старалась жить так, чтобы не утруждать других.

Когда к сыну пришли одноклассники и повесили над этажеркой «Режим дня Валентина Саблина», она расстроилась. Ей показалось, что сын попал в беду и что направить его на правильный путь мог бы только отец. Ее пугало, что Валька вырастет легким и неблагодарным человеком.

В последнее время он стал лучше учиться. Она заметила это и обрадовалась. Однажды он пришел и сказал: «У нас сейчас новая вожатая Галя». И рассказал о Галином отце. Надежда Семеновна заплакала. Ей было жалко Галя и еще это были слезы радости: сын впервые рассказывал о своих делах. Потом он рассказал ей о художнике Сергее Васильевиче. И она сказала: «Как много хороших людей на свете, Валечка».

Однажды Валька упросил ее пойти с собой. Она поднялась в мастерскую художника и ахнула: с огромного холста глядел на нее ее Валька. В буденовке с пятиконечной звездой, в порванной на плече синей рубашонке с белой пуговкой у ворота. Ей захотелось пришить ему недостающие пуговицы, она на минуту забыла, что это картина. Солнце светило из-за леса, спали усталые красноармейцы, а мальчонка уже проснулся.

— Спасибо вам, — сказала Надежда Семеновна художнику.

А через несколько дней пришла к ним домой Галя, о которой сын так много рассказывал. Она показала карточку черно-волосого молодого военного с двумя шпалами в петлицах. Это

была фотография майора Светлова, ее отца, погибшего под Варшавой в тысяча девятьсот сорок четвертом году.

* * *

Тренькают на стене ходики. Спит мама и не слышит, как первый луч майского солнца щекочет ей лицо. Сегодня Первое Мая. Но пока не слышно музыки, нет людей на улицах. Еще очень рано.

Валька спрыгивает с кровати, подтягивает еловую шишку и принимается за работу. Очень громко гудит струя из крана, заполняя ведро. Хоть бы не разбудила маму! Валька моет пол, переворачивает чистой стороной скатерть на столе и бежит во двор. Оглядываясь на окна, он сламывает две веточки сирени и несет их домой.

— Валя, — говорит мама, — я не сплю, я все слышу.

— Спи, — отвечает Валька.

Но мама поднимается. Она гладит сыну белую рубашку и галстук и достает из чемодана новые туфли.

— Носи их, — говорит она, — носи каждый день.

Они пьют чай, и кудрявые веточки сирени в лучах солнца кажутся розовыми.

А потом Валька шагает в колонне. Их отряд в синих пилюетках идет во главе тридцать второй школы. Вместе с ним, держа равнение, идут Катя, Варенька, и восемь Наташ, и Витя с Лешей, и Гога Ватульян.

Идет Валька и высоко поднимает на шесте голубой флажок со словами «Отряд-спутник».

— Мальчик! Валька! — кричит из толпы, стоящей на тротуаре, девочка с огромным белым бантом в кудрях, — возьми меня с собой.

Нет Машенька-Маруся, не положено правофланговому выходить из строя. Наберись терпения, они еще возьмут тебя с собой.

Колонна проходит мимо трибуны. Звонкое «ура» взлетает в небо вслед за легкими шарами и голубями.

На развилке дороги их ждут Галя и Санька.

— Валька, — отзывается друга шепотом Санька. — Поклялись, что не узнает ни одна живая душа...

Новая тайна не дает покоя Саньке. И доверить ее можно единственному человеку на свете — Вальке Саблину из пятого «А».

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Каждый выбирается из беды по-своему	5
«А ты, Саблин, был на войне?»	13
«Ты шляпа, Валька, вот ты кто»	16
Восемь Наташ и одна Варенька	20
«А вдруг он жив?»	25
«Варька, не будь душой»	30
Маленькая большуха :	33
«Сначала я вам расскажу о себе»	38
Сказка о примерном ученике и мальчишке с двойками	42
Где же тут действовать?	46
Ответы на разные вопросы	54
«Ты в каком веке до нашей эры живешь?»	61
«Нет, Валя, уезжать тебе никак нельзя»	65
«Много хороших людей на свете»	67

К-56. Римма Михайловна Коваленко
ВАЛЬКА САБЛИН ИЗ ПЯТОГО „А“
Повесть для детей младшего и среднего
школьного возраста

Художник И. Я. Коновалов Р-2.

Редактор Л. И. Муратова
Художественный редактор М. К. Омелянчук
Технический редактор В. И. Духно
Корректор Н. И. Барботько

Сдано в набор 27 ноября 1962 г.
Подписано к печати 7 февраля 1963 г.
Формат бумаги 70×92 1/16
Печ. физич. л. 4,5 Учетно-издат. л. 3,06
Усл. печ. л. 5,26 Бум. л. 2,25
МА. 03025

Заказ 10617 Тираж 50 000 Цена 11 коп.
Краснодарское книжное издательство,
г. Краснодар, Красная, 74

Типография издательства «Советская Кубань»
г. Краснодар ул. им. Шаумяна, 110.

ДОРОГИЕ РЕБЯТА!

Ваши отзывы о книге просим присылать
по адресу: Краснодар, Красная, 74, книж-
ное издательство.

Цена 11 коп.

КРАСНОДАРСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1963